

ЭМИГРАНТЪ

Литературный и иллюстрированный журналъ.

№ 2

Содержаніе:

1924 г.

- „За кѣмъ итти“ — статья А. В. Чернявскаго.
„Декларация Великаго Князя Николая Николаевича“.
„Къ годовщинѣ убійства въ Лозаннѣ“ — статья В. Глуховецъ.
„Изгнанникъ“ — стихи Владиміра Гущика.
„Счетъ“ — рассказъ Куприна.
„Домъ семи смертныхъ грѣховъ“ — рассказъ Александра Черниговскаго.
„Міровыя предсказанія на 1924 г.“ для всѣхъ странъ извѣстной Deux Thèbes—Второй Тэбъ.
„Танецъ Черной Змѣи“ — рассказъ Мирры Нади.
„Весна въ Ревелѣ“ — стихотвор. Н. Карпова.
Театръ и Кино.
Мелочи. Копилка курьезовъ.
Эпиграммы.
Письма въ редакцію.

Издательство „ЭМИГРАНТЪ“

Tallinn (Reval), S. Juhkentali t. 2. Tel. 25-11

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РАБОТЫ КЪ ВЫСТАВКЪ

эскизы, портреты и
вывѣски на стеклѣ

исполняетъ

В. НЕСТЕРОВЪ,
Ревель, Больш. Татарская 4,
Цинкографія ТАЛЬВИКЪ.
Телефонъ 8-10. Телефонъ 8-10.

Вниманіе!!!

Вниманіе!!!

Быстро и ==
== **дешево**

проявляю, печатаю и
увеличиваю съ негативовъ и карточекъ.

Владимирская (S. Jakobsoni tän.)
№ 71-а, кв. 3.

Важно для любителей-фотографовъ!

Вниманіе!!!

Вниманіе!!!

Важно для всѣхъ!

ЧАЙНАЯ „ПРІЯТЕЛЬ“

противъ театра „Эстонія“.

Русская кухня. Завтраки, обѣды и ужины съ 11 час. утра. Горячіе московскіе пирожки. Сибирскія пельмени. Кавказскіе шашлыки. Московскіе селянки и пироги. Чай порціями по-русски въ чайникахъ.

Открыта къ приходу всѣхъ поѣздовъ.
Съ сов. почтен. А. ШАРОВЪ.

ФОТО-АТЕЛЬЕ

А. КЛАНБЕРГЪ

Нарвская 12. — Тел. 14-81.

Быстрое и аккуратное изготовленіе всякаго рода снимковъ для паспортовъ и удостовѣреній и т. д.

— Увеличеніе портретовъ. —

Также принимаются любительскія работы: проявленіе, ретушь, печатаніе и т. д.

Советы любителямъ, Быстро и аккуратно.

ЭМИГРАНТЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Редакція: Suur Juhkentali tänav Nr. 2. — Телефонъ № 25-11.
Приемъ ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 ч. у. до 5 ч. дня.
Объявленія: 1/1 стран.—4.000 мрк., 1/2 стран.—2.000 мрк., 1/4 стран.—1.000 м., 1/8 стран.—500 м., среди текста и на обложкѣ — 50% дороже.
При повторныхъ объявленіяхъ — скидка по соглашенію. Предложенія и спросъ труда и розыски бѣженцевъ бесплатно.

№ 2.

Іюнь 1924 г.

І годъ изданія.

За кѣмъ итти.

Семь лѣтъ назадъ въ Россіи случилось великое несчастье, именуемое революціей.

Единый когда-то національный стягъ — бѣлый, синій и красный — былъ разорванъ на два враждующіе: *бѣлый* и *красный*.

Семь лѣтъ цинично расхищается народное достояніе, льется невинная кровь и систематически истребляется во славу „интернаціонала“ все то русское, что хоть сколько-нибудь выдѣляется надъ сѣрой, неграмотной массой и въ состояніи критически относиться къ личностямъ и дѣйствіямъ теперешнихъ властителей Россіи.

Это чудовищное преступленіе они называютъ, специально для успокоенія старушки Европы, — *гражданской войной*.

А между тѣмъ въ запроволочной Россіи красныхъ, внѣ официальной компартіи, теперь *нѣтъ*, что недавно призналъ и видный въ Германіи коммунистъ Леви.

Тамъ есть въ настоящее время только два стана: 1) группа международныхъ мошенниковъ и авантюристовъ, принесенныхъ одураченными пропагандой массами ко власти, грабежу и сказочному богатству, и 2) отрезвѣвшія нынѣ народныя массы: солдатскія, рабочія, крестьянскія и городскія, въ ослѣпленіи своемъ посадившія себѣ на шею всѣхъ этихъ инородцевъ и чуждѣдовъ.

Всѣ эти бывшіе „красные“ и „революціонеры“ и рады бы повернуть назадъ и вернуть старую, сытую и свободную

жизнь, да терроръ коммунистовъ удерживаетъ и затѣмъ отчасти боятся новой власти:

— А вдругъ будетъ мстить и наказывать за революціонный грабежъ, застарыя преступленія и чужое отнятое добро.

Какъ будто въ отвѣтъ на эти сомнѣнія въ Маѣ мѣсяцѣ была опубликована бесѣда Е.И.В. Великаго Князя Николая Николаевича съ Американскимъ представителемъ Associated Press, исчерпывающая всѣ вопросы, которыя могли бы волновать какъ порубежную, такъ и зарубежную Россію.

Въ этой бесѣдѣ, вѣрнѣе декларациі, Верховный Главнокомандующій Россійскими Арміями далъ точное и государственное изложеніе своихъ взглядовъ на пути освобожденія и возрожденія Россіи.

Великій Князь говоритъ о необходимости для русскихъ людей, всѣхъ направлений, примиренія и забвенія прежнихъ обидъ ради спасенія Россіи и сверженія теперешнихъ ея правителей — захватчиковъ.

Всѣ пострадали, всѣ виноваты.

Ради блага Россіи всѣмъ необходимо поступиться своими интересами — и эмигранти и оставшимся въ Россіи, помещикамъ и крестьянамъ, рабочимъ и промышленникамъ, пролетаріямъ и капиталистамъ, бѣлой и красной арміямъ.

Лично для себя Великій Князь ничего не ищетъ, но, какъ старый солдатъ, онъ готовъ отдать всѣ свои силы и жизнь на служеніе Родинѣ.

Такъ, когда то въ приказѣ наканунѣ Полтавской битвы Великій Царь-Плотникъ написалъ: „А о Петрѣ вѣдайте, что жизнь ему не дорога, была бы жива Россія во славу и благоденствіи“.

Рѣдко на долю русскихъ за это время выпадала радость. Но, на этотъ разъ она пришла. У насъ есть Вождь, мудрый, опытный, посѣдѣлый въ бранныхъ и государственныхъ дѣлахъ, за

которымъ однимъ только можетъ ити зарубежная и порубежная Россія.

Помѣщаемая ниже декларация Николая Николаевича съ полнымъ успѣхомъ могла бы являться программой русскаго національнаго движенія. Это — синее соединительное полотнище, которымъ должны воссоединиться оторванны другъ отъ друга полосы національнаго флага — *бѣлая и красная*.

Александръ Чернявскій.

Весѣда В. К. Николая Николаевича съ директоромъ Американской Объединенной Прессы мистеромъ Робертсономъ.

Я, до сего времени, не принималъ ни одного представителя печати. Однако, на этотъ разъ, я рѣшилъ сдѣлать исключеніе по двумъ причинамъ: во-первыхъ, за послѣднее время, въ связи съ положеніемъ въ Россіи, участились упоминанія Моего имени, причѣмъ Мнѣ приписываютъ всевозможные виды и мысли, которымъ я совершенно чуждъ; во-вторыхъ, я радъ видѣть въ Вашемъ лицѣ представителя той націи, отношеніе которой къ Россіи, въ настоящее время, не можетъ не вызывать со стороны русскихъ людей самой горячей признательности. Русскіе люди, патриоты, проникнуты благодарнымъ чувствомъ къ Америкѣ и ея Правительству за отношеніе, проявленное къ Россіи и русскому вопросу и за ту помощь, которую Америка оказала Россіи во время послѣдняго ужаснаго голода и оказываетъ русской эмиграціи, въ особенности учащейся молодежи.

Русскій вопросъ такъ сложенъ и обширенъ, что обнять его во всей его совокупности въ одной бесѣдѣ невозможно.

Могу высказать Вамъ свой взглядъ на главнѣйшее. Что происходитъ въ Россіи, извѣстно всякому, кто дѣйствительно этимъ интересуется: произволъ, терроръ, безправіе, насиліе, поправнѣ принципа частной собственности, непосильные поборы, помѣстный голодь... Поруганы всѣ народныя святыни — масса іерарховъ, священниковъ, монашествующихъ казнена; другіе въ ссылкѣ въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ. Тѣ, кто остались, подвергаются жестокому преслѣдованію и ежеминутно рискуютъ раздѣлить ту же участь. Боль-

шевики посягаютъ на самую душу народа. Они хотѣли бы вырвать съ корнемъ изъ нея всѣ религіозныя и нравственныя устои. Однако, ни гоненія, ни яростная проповѣдь безбожья не искоренили въ народѣ вѣры. Его духовная живучесть обнаружила моральный крахъ коммунистической власти и еще разъ доказала вѣрность народа Православной Церкви. Въ этомъ сила народа.

Россія жила вѣрой, будетъ жить вѣрой, и эта вѣра спасетъ ее.

Не только Православная Церковь преслѣдуется большевиками, но и всѣ вѣроисповѣданія, всѣ вѣрующіе. Борьба идетъ противъ Бога...

Въ области же матеріальной захватчики власти добились того, что наша богатѣйшая страна доведена до ужасающей степени разоренія. Говорить о будущемъ, тѣмъ болѣе предугадывать его, весьма трудно. Ясно одно — для спасенія Россіи и ея многомилліоннаго населенія отъ окончательной гибели — надо освободить страну отъ коммунистической власти. Намъ не извѣстны ни время, ни условія, среди которыхъ осуществится столь долгожданное освобожденіе нашей родины.

Мы не должны здѣсь, на чужбинѣ, предпринимать за русскій народъ коренныхъ вопросовъ его государственнаго устройства. Они могутъ получить разрѣшеніе только на русской землѣ, въ согласіи съ чаяніями русскаго народа. Новая эра, по паденіи коммунистической власти, должна начаться съ умиротворенія и поднятія страны изъ праха разоренія и униженія, въ который она теперь повержена.

Много злобы и ожесточенія накопилось въ людяхъ за это тяжелое время. Сколько молодежи въ конецъ совращено во всѣхъ отношеніяхъ. Безбожье, развратъ, отсутствіе какихъ либо принциповъ, безъ которыхъ государство существовать не можетъ. Миръ, законность и порядокъ должны смѣнить господство произвола. Измученные и изстрадавшіеся люди должны вздохнуть спокойно, почувствовать себя дѣйствительно освобожденными отъ всякаго насилія.

За эпохой разрушенія должна начаться дружная созидательная работа. Къ ней должны быть привлечены всѣ живыя силы страны, всѣ, кому благодарины безконечно дороже личныхъ и узкихъ интересовъ. Сейчасъ Россіей правитъ партія во имя интересовъ классовыхъ и интернаціональных. На смѣну ей должна придти власть національная, внѣклассовая и внѣпартійная. Эта власть должна быть твердой и сильной и, въ то же время, справедливой и просвѣщенной. Она должна стать на охрану священныхъ правъ личной и гражданской свободы, собственности, правопорядка. Прекращеніе классово-и національной ненависти, предотвращеніе насилія однихъ надъ другими и всякаго рода самоуправства, предоставленіе народамъ, входящимъ въ составъ Россійскаго государства, права свободнаго развитія ихъ національной жизни — вотъ главные начала, которыя должны быть положены въ основу возрожденія Россіи.

Въ социальномъ строѣ произошли за послѣдніе семь лѣтъ коренныя измѣненія. Достаточно дать себѣ отчетъ, хотя бы въ такомъ первостепенной важности вопросѣ, какъ земельномъ.

Крестьяне фактически обрабатываютъ частновладѣльческую землю, не находящуюся въ непосредственномъ пользованіи государства. Земля, которою пользуются крестьяне, не должна быть у нихъ отнята. Но сами крестьяне будутъ только тогда удовлетворены, когда земля будетъ законно закрѣплена за

Великій Князь Николай Николаевичъ.

Портретъ, появившійся за границей въ связи съ декларацией.

ними законной, незыблемой государственной властью, въ полную ихъ собственность. Я имѣю всѣскія данныя полагать, что у землевладѣльцевъ, въ громадномъ ихъ большинствѣ, созрѣло сознание необходимости жертвеннаго подвига въ интересахъ государства. Со

своей стороны власть озаботится вознагражденіемъ тѣхъ, кто лишился своего достоянія, перешедшаго въ руки крестьянства.

Взыскивать съ крестьянъ то, что погибло или расхищено было въ началъ революціи невозможно. На прошлое надо поставить крестъ. Но съ минуты водворенія новой власти, всякое новое посягательство на чужую собственность, на чужія права, всякое насиліе должно быть пресѣкаемо самыми рѣшительными мѣрами.

Наша промышленность также разрушена въ конецъ, и здѣсь предстоитъ для будущей власти задача величайшей сложности. Ея возстановленіе можетъ быть достигнуто только на почвѣ незыблемаго охраненія права собственности и предоставленія частной инициативѣ широкаго примѣненія.

Опыты коммунистическаго управленія, на почвѣ конфискаціи и перехода къ государству почти всѣхъ орудій производства и распределенія, достаточно доказали всю гибельность этихъ принциповъ, которые довели еще столь недавно богатѣйшую страну до унижательнаго разоренія. Нѣтъ сомнѣнія, что при возстановленіи этихъ нормальныхъ условий, интересы и положеніе рабочихъ будутъ ограждены и обеспечены закономъ несравненно дѣйствительнѣй, чѣмъ теперь въ „рабоче-крестьянской“ республикѣ. Власть поставитъ своей задачей улучшеніе положенія рабочихъ. Надо, однако, говорить правду народу, не увлекая его несбыточными обѣщаніями. Потребуются многіе годы на возстановленіе того, что было накоплено вѣками и нынѣ разрушено. Но Россія обладаетъ несмѣтными природными богатствами и могучей жизненностью, которую доказалъ нашъ народъ, ибо никто до него въ исторіи, не переносилъ такихъ тяжелыхъ испытаній. Работы хватить на всѣхъ и возрожденіе Россіи послужитъ ключемъ для разрѣшенія мірового кризиса.

Васъ интересуетъ вопросъ объ арміи.—Армія плоть отъ плоти русскаго народа. Когда пробьетъ часъ освобожденія, народъ сознаетъ, что необходимо сбросить иго насильниковъ и возстановитъ національную власть. Та же перемена произойдетъ и въ сознаніи

арміи, и она перестанетъ быть „красной“ *Тѣ, кто оставшись въ Россіи, были привлечены въ красные ряды, счастливы будутъ искупить свои вольные и невольные грѣхи передъ родиной. Съ ними сольются и тѣ, кто доблестно проливалъ свою кровь за освобожденіе отечества отъ ша коммунистовъ и нынѣ томятся на чужбинѣ. И будетъ тогда единая, доблестная, могучая русская армія, отвѣчающая величію Россіи, стоящая на стражѣ ея чести, обезпечивая мирное бытіе и благосостояніе русскаго народа.*

Власть учтетъ тяжелое положеніе тѣхъ, кто въ рядахъ красной арміи вынуждены были повиноваться коммунистическому правительству. Тоже самое относится и ко всѣмъ, находящимся на совѣтской службѣ.

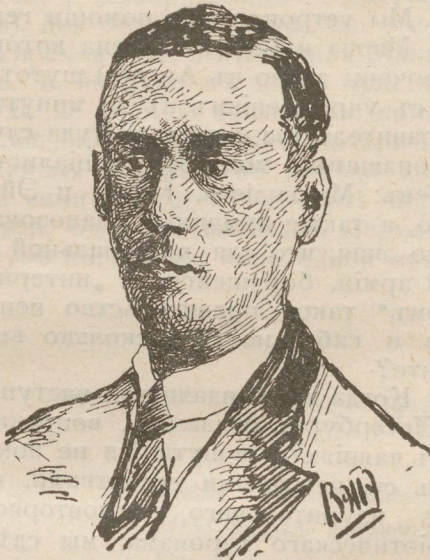
Я не сомнѣваюсь, что съ возстановленіемъ Россіи нарушенное міровое равновѣсіе вновь станетъ въ нормальныя условія.

На долгіе годы энергія Россіи должна быть поглощена задачами внутренняго обновленія. *У Россіи можетъ быть только русская политика.* Для всѣхъ истинныхъ друзей ея, которые не желаютъ эксплуатировать ея временную слабость, но строятъ свою экономическую политику на здоровыхъ началахъ, хозяйственное возстановленіе Россіи въ нормальныхъ условіяхъ представитъ самое благоприятное поприще для помѣщенія энергіи и капитала. Истинные друзья познаются въ несчастьи и кто окажется такимъ другомъ въ дѣлѣ освобожденія и возстановленія національной Россіи, тотъ можетъ спокойно рассчитывать на ея признательность въ будущемъ.

Вы спрашиваете, какъ я отношусь къ призыву моихъ соотечественниковъ стать во главѣ движенія во имя освобожденія Россіи? — *Каждый день я получаю самыя трогательныя доказательства довѣрія. Я ничего не ищу для себя и, какъ старый солдатъ, могу только сказать, что я готовъ отдать всю свои силы и жизнь на служеніе Родинѣ.* Но стать во главѣ національнаго движенія я сочту возможнымъ только тогда, когда убѣждусь, что наступило время и возможность для принятія рѣшенія въ соотвѣтствіи съ чаяніями русскаго народа!

Къ годовщинѣ убійства въ Лозаннѣ.

Годъ тому назадъ 10 мая 1923 года въ Лозаннѣ, въ отелѣ „Cecile“, раздался карающій выстрѣлъ Мориса Конради.

М. Конради.

Швейцарецъ по подданству, русскій по рожденію и воспитанію, бывший офицеръ царской и затѣмъ Добровольческой Арміи Конради мстилъ за смерть отца и дяди, умученныхъ въ Петроградѣ большевиками, и за разореніе своей семьи.

На пиру, въ роскошной обстановкѣ первокласснаго отеля былъ убитъ одинъ изъ опаснѣйшихъ и вреднѣйшихъ большевитскихъ вождей, сбытчикъ награбленныхъ въ сейфахъ, дворцахъ и частныхъ квартирахъ драгоценностей, бывший совпосолъ въ Италіи Вацлавъ Адамчевскій, изъ вызова и ненависти къ „предразсудкамъ“ буржуазнаго міра принявшій кличку **Воровскій**.

Выяснилось, что единственнымъ помощникомъ и вдохновителемъ Конради былъ русскій офицеръ Полунинъ, служащій Россійскаго Краснаго Креста въ Женевѣ и воинъ Врангелевской Арміи.

„Плющемъ обовью я мечъ
Смѣлыхъ мстителей Гарпонія и
Аристогона“.
Изъ древней трагедіи.

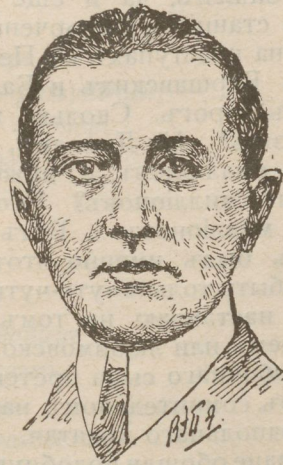
„Какъ ударъ громовой всенародная
казнь
Надъ злодѣемъ безумнымъ сверши-
лась!..“

Судъ надъ Конради и Полунинымъ привлекъ взоры всего міра.

Вопреки всѣмъ усиліямъ совѣтовъ, пославшихъ на судъ своихъ юристовъ-коммунистовъ Членова и Бѣлкина-Дикера, а также рядъ свидѣтелей-смѣловѣховцевъ, (въ томъ числѣ навсегда опозорившихъ себя въ глазахъ всего міра генераловъ Добровольскаго и Достовалова, нынѣ исключенныхъ изъ корпуса офицеровъ).

Судъ присяжныхъ въ Лозаннѣ приговоромъ своимъ осудилъ большевизмъ и оправдалъ смѣлыхъ мстителей Конради и Полунина.

Союзъ Галлипольцевъ, обсудивъ на своемъ послѣднемъ засѣданіи вопросъ объ отношеніи къ годовщинѣ событія

Полунинъ.

10 мая, постановилъ признать Конради и Полунина членами галлиполійскаго братства, включающаго въ себя цвѣтъ національной Россіи.

В. Глуховецъ.

Счетъ.

Есть старинный немножко грубый, но очень милый рассказъ о томъ, какъ у Тѣстова*) подаетъ счетъ закутившему купеческому сыну разбитной половиой—ярославецъ.

„Семь рюмочекъ водочки—рупь семь гривенъ, итого семь рублей восемь гривенъ. Два бутербродца—двадцать копеекъ, итого вмѣстѣ будетъ пятнадцать рублей двадцать пять копеечекъ-съ. Судили рядили, время проводили—тринадцать цѣлковыхъ. Итого восемнадцать да тринадцать, мелочь вамъ въ уваженіе скощаю, выходитъ ровно шестьдесятъ. Папиросочки изволили курить? „Икъ! Нѣтъ“—Полтинникъ. Итого семьдесятъ рублей пятьдесятъ копеекъ. На чаекъ, что пожалуете. Николай! Подай купцу калоши. Извините, ваше степенство, сейчасъ запираемъ“.

Совсѣмъ такой счетъ подали англичанамъ члены совѣтской делегаціи.

„Вы, англичане, покровительствовали наступленію сѣверо-западной арміи на Петербургъ и даже руководили имъ. Благодаря вашему вмѣшательству, разрушено 123 моста, и столько то водонапорныхъ башенъ, да и еще сожжены вокзалы и станціи и попорчены рельсы. И все это на подступахъ къ Петербургу, на путяхъ Варшавскихъ и Балтійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Сколько же за это съ васъ взять? А? Думаемъ, что даже нѣсколько миллионъ, а, можетъ быть, и всѣ десять миллионъ? Что? Почти около ста миллионъ... Вотъ какъ!“

Смыслъ былъ именно этотъ самый. Я, можетъ быть, только чуть-чуть сгустилъ стиль. Но настаиваю на томъ, что онъ былъ стилемъ или любимовской шестерки, или побочнаго сына претендующаго на долю въ сомнительномъ наслѣдствѣ, черезъ подпольнаго ходатая.

Англичане обошли подобную выходку презрительнымъ молчаніемъ. Но если бы эти островитяне, хотъ ради оригинальности, впервые за все историческое существованіе, хотъ одинъ только разъ позволили бы себѣ роскошь не лгать въ международныхъ отношеніяхъ, — они могли бы поднести наглымъ псевдорусскимъ представителямъ самый изумительный контръ-счетъ.

Они сказали бы:

1. Мы вмѣшались въ дѣло отвоеванія Петербурга, регулируя, якобы, сношенія между С.-З. арміей, Эстоніей, Финляндіей и Латвіей, а въ дѣйствительности направляя ихъ такъ, что бы это было гибелью для С.-Зап. арміи. Во сколько вы это цѣните?

2. Мы устроили при помощи генераловъ Мэрча и Гоффа, (имена которыхъ опорочены давно въ Англии) шутотрагедію съ учрежденіемъ въ 48 минутъ С.-З. правительства, напихавъ туда случайно попавшихся подъ руку социалистовъ-евреевъ: Маргуліеса, Горна и Эйшинскаго, а также армянина Ліанозова, отлично зная, что для національной русской арміи, борящейся съ „интернаціоналомъ“ такое правительство неприемлемо и гибельно. Во сколько вы это цѣните?

3. Когда мы увидали, что наступленіе на Петербургъ оказалось, вопреки нашимъ чаяніямъ, не шуткой и не покушеніемъ съ негодными средствами, а дѣломъ изумительнаго, неповторяемаго патріотическаго героизма, мы сдѣлали все, что только могутъ сдѣлать культурные англичане для того, чтобы погубить и обезцѣнить этотъ натискъ. Мы посылали въ армію снаряды, изъ которыхъ разрывалось только 19 на 100; аэропланы и къ нимъ неподходящіе пропеллеры; пулеметы и къ нимъ ленты съ патронами иного калибра. И ни одной капли кастороваго масла, на которомъ, какъ извѣстно, только и работаютъ аэропланые моторы. Въ Гатчинѣ же были два аэроплана въ сравнительномъ порядкѣ и было двое прекрасныхъ летчиковъ (не называю ихъ милыхъ именъ и даже инициаловъ). Судьба бронепоездовъ „Ленинъ“ и „Троцкій“ могла быть рѣшена въ нѣсколько секундъ, а вмѣстѣ съ ними судьба всѣхъ боевъ и, можетъ быть, судьбы Россіи и міра. Во сколько вы это цѣните?

4. Въ старину великіе художники не подписывали своихъ именъ, а дѣлали привычную ремарку, по которой знатоки и узнаютъ подлинность картины. Такъ и мы снабдили нашу помощь С.-З. арміи крупной дозой соленаго юмора въ духѣ доброй старой Англии. Однажды три четверти емкости пароходнаго трю-

*) Извѣстный ресторанъ въ Москвѣ.

ма (восемьдесятъ мѣсть!) мы погрузили для отправки въ Ревель... Знаете чѣмъ? Фехтовальными принадлежностями: замшевыми нагрудниками, перчатками, рапирами и масками.

5. Мы продолжали эту шутку еще дальше. Мы, курамъ на смѣхъ, послали въ распоряженіе С.-З. арміи пять танковъ. Вотъ ихъ названія: „Бурый медвѣдь“, „Капитанъ Кромъ“, „Скорая Помощь“, „Доброволецъ“... (пятое забылъ). Мы отлично знали, что эти танки — временъ войнъ Филиппа Македонскаго, и нарочно къ нимъ приставили никуда не годную англійскую команду. Дальше артиллерійскихъ казармъ эти уродливыя машины не хотѣли ходить. Шли чиниться (всего четверть версты). Правда, однажды генералъ Пермикинъ, всунувъ ноганъ въ очко одной машины

заставилъ ее идти и стрѣлять вплоть до Войволы (7 верстъ). Но это былъ не человекъ, а генералъ Пермикинъ, рыцарь.

6. Когда необычайные успѣхи С.-З. арміи стали грозить взятіемъ Петербурга (пробились до „Дачнаго“; полторы версты по прямой до Нарвскихъ воротъ) мы прекратили всякую помощь арміи. Помощь одеждой. Да и помощь то была не наша, а американцевъ, (да благословить Богъ эту славную страну). Во сколько вы все это цѣните?

7. А во сколько вы учтете то, что мы дали вамъ возможность существовать лишнихъ пять лѣтъ? Уже это одно стоитъ много миллиардовъ, считая на чистое золото. А вы, идиоты, лѣзете съ какимъ то пурдамомъ, разрушеннымъ случайнымъ снарядомъ на деревянномъ полустанкѣ?

„Р. Г.“

А. Купринъ.

Изгнанникъ.

Нѣтъ, мнѣ больше не надо удачь! —
 Мою жизнь захлестнулъ безъ предѣла
 Ненасытный кровавый палачъ
 Срамотой небывалаго дѣла!

Изнасиловавъ мать и сестеръ,
 Безпощадный, хмельной, и разгульный, —
 Онъ, — очагъ превращая въ костеръ,
 На иконы плевалъ, богохульный.

Я бѣжалъ, хоронился въ льсу,
 Какъ святыню леплялъ проклятье,
 Ночью впитывалъ тѣломъ росу,
 Днемъ на солнцѣ сушилъ свое платье.

И дошелъ до завѣтныхъ границъ
 Изнуреннымъ и хилымъ изгоемъ.
 Но, увы, не увидѣлъ я лицъ
 Возмущенныхъ ужаснымъ разбоемъ.

Говорилъ, — пожимались... Кричалъ, —
 Сторонились меня, какъ заразы,
 Но разумныхъ и братскихъ началъ
 Я не видѣлъ въ изгнаньи ни разу!

И брожу, не желая удачь,
 И убожества дней не нарушу,
 Потому что кровавый палачъ
 Навсегда изсушилъ мою душу.

Влад. Гуцикъ.

Домъ семи смертныхъ грѣховъ.

Разсказъ.

— Ротмистръ Василицкъ?

— Ротмистръ Василицкъ?

Получивъ незнакомое письмо, я обыкновенно прежде всего смотрю на подпись.

На этотъ разъ передо мной лежалъ вскрытымъ массивный лучшей слоновой бумаги конвертъ, испещренный цѣлой радугой почтовыхъ наклеекъ.

Экзотическая Южно-Американская марка съ изображеніемъ араукаріи и всадника въ плащѣ серапе.

Штемпель мѣста отправленія, съ трудомъ прочитанный между цѣлымъ множествомъ самыхъ разнообразныхъ оттисковъ, гласилъ:

— Puerto-Cabello de Los Angelos.

Вѣеромъ выпалъ и рассыпался пучекъ тонкихъ, мелкимъ почеркомъ исписанныхъ листковъ.

Прядь бѣлокурыхъ женскихъ волосъ мелькнула изогнутымъ снопикомъ, тронутая во многихъ мѣстахъ налетомъ выцвѣтшей бурой желѣзистой жидкости, видимому крови. А подъ ней мятая, грязная, долго лежавшая по карманамъ бумажка, съ выцвѣвшими бурыми пятнами и строчкой раскаряченныхъ козявокъ — буквъ, очевидно, съ трудомъ выдавленныхъ корявой, безграмотной, закорузой рукой.

Надъ листками чернѣлъ неумѣло сдѣланный перомъ профиль дома и старательно выведено:

„Домъ семи смертныхъ грѣховъ“.

А передъ подписью стояли странная волнующія слова:

„Считайте меня умершимъ и дѣлайте съ рукописью все, что хотите. Ирма и я теперь недосыгаемы для ихъ мести! Все правда! Увидимся въ Россіи, борющейся и освобождаемой. Вашъ ротмистръ Василицкъ“.

Вотъ такъ „Тере — здрасту!“

Откуда весеннимъ, и на рѣдкость въ Ревелѣ солнечнымъ утромъ принесъ мнѣ это письмо хмурый и запаленный почтальонъ, всегда при входѣ считающій меня въ максимальной степени польщеннымъ его хриплымъ привѣтствіемъ на русско-мѣстномъ языкѣ: Tere-tere — здрасту!

2.

„Въ далекой знойной Аргентинѣ
„Гдѣ небо южное такъ сине,
„Гдѣ женщины, какъ на картинѣ!..
Откуда этотъ мотивъ когда то моднаго танго?

Василицкъ... Василицкъ?..

Когда это было?

Вспомнилъ.

Весна 1920 года.

Только что заключенъ Поской въ Юрѣвѣ миръ.

Тифъ и гибель арміи.

Вакханалія ликвидаций.

Улицы Ревеля полны, безъ толку слоняющимися, солдатами и офицерами.

Вмѣсто Нарвскаго и Псковскаго фронтовъ, единый Глиняный фронтъ, торговли тѣлами и душами.

Какія то съ дряблою пролоснью спекулянтскія фізіономіи заполняютъ рестораны и кафэ, устраиваютъ биржу на улицахъ, передаютъ изъ полы въ полу акты, накладныя, коносаменты, доллары, фунты, партіи кокаина и морфія въ специальной упаковкѣ, и безстыдно громко перешептываются въ подворотняхъ.

Въ воздухѣ весеннее солнце, запахъ наживы, бѣшенныя деньги, дѣлежъ чужой крови, и оргіи, оргіи... .

Идетъ распродажа спѣшно отобраннаго у С.-З. Арміи, безъ надлежащаго учета и описей имущества, часть котораго, очевидно, прилипла къ чьимъ то грязнымъ рукамъ.

Русскихъ офицеровъ „уѣзжаютъ“: имъ вреденъ ревельскій воздухъ. Ликвидируются лазареты и солдаты, еще шатающіеся послѣ тифа, влекутся принудительно на осточертѣлыя лѣсныя заготовки.

Тѣмъ сладострастнѣе оргія ликующихъ.

Послѣ военной скудости, послѣ хлѣба по карточкамъ и пайковыхъ консервовъ и сала, съ оконъ баровъ и кафэ зазывно осклабили свои слобныя рожки — торты и пирожныя, закричали на солнцѣ въ разноцвѣтныхъ фигурныхъ графинчикахъ привозные ликеры и вина.

Весенними яркими маками заперстрѣли въ confectiон'ахъ первыя кричащія дамскія тряпки и шляпы.

Точно сошли съума женщины. А тутъ всюду, во всѣхъ слояхъ общества, похабные, соблазнительные шопоты о милліонахъ, о десяткахъ золотыхъ милліоновъ только что вѣхавшей большевицкой делегации.

Тогда пришелъ ко мнѣ ротмистръ Василискъ.

Молодой, скромный, украшенный Георгіемъ летчикъ Ястребинаго Дивизиона, онъ горячо пропагандировалъ идею:

— Уѣхать въ Аргентину подъ горячее южное небо, въ приволье безкрайныхъ, какъ въ Новороссіи, степей.

Уѣхать спаянной боевой стойкой, съ близкими женщинами, съ молодой силой. И тамъ начать новую трудовую жизнь и тамъ дожидаться Россіи!

Была тяжела жизнь, и многіе изъ насъ голодали.

Тѣмъ убѣдительноѣ кричала его проповѣдь: Бѣшено работать — годъ, два, три — четыре! Ловить арканами мустанговъ въ степи и пасти, какъ праотецъ Іаковъ, въ пампѣхъ плодныя необозримыя стада!

Вдругъ разбогатѣешь, накопишь тысячи, десятки тысячъ кружочковъ звонкаго дьявольскаго металла и вернешься сюда, на порогъ Россіи, хозяиномъ жизни, свободнымъ отъ унижительныхъ заботъ завтрашняго дня!

Онъ былъ красивъ, и было пріятно смотрѣть на его разгоряченное мыслью и отвагой лицо. За нимъ слѣпо шла стайка въ 15—20 человекъ.

Движеніемъ заинтересовались. Пошли справки въ консульствахъ, запросы.

Ротмистръ Василискъ ходилъ въ редакцію каждый день и былъ неизмѣнно элегантенъ, остеръ и веселъ. Но съ нимъ что то дѣлалось, и это было очевиднымъ даже и нашему равнодушному глазу.

Онъ точно по часамъ таялъ и блѣднѣлъ.

Красивое мужественное лицо стало испытывъ, въ глазахъ появился сухой блескъ, походка стала нервной, развинченной, старческой. Точно какой то ночной вампиръ пилъ по ночамъ его силы и бѣшено надламывалъ угасающія вспышки порыва!

Артистка „Пестрой Маски“
Н. А. Волконская.

— Ъхать, ѣхать!

Вдругъ Василискъ исчезъ.

Исчезновеніе вызвало толки. Они еще болѣе усилились, когда черезъ нѣсколько дней произошли очень странныя совпаденія.

Въ Немме съ послѣдняго ночного поѣзда въ Ревель, при весьма загадочной обстановкѣ, упалъ подъ колеса совѣтскій курьеръ Псомоняковъ, какъ разъ получившій накануне документы и деньги на дорогу въ Россію.

Сыскная полиція заподозрила убійство. Но уже на другой день всѣ газеты обошла найденная при трупѣ пьяная записка:

„Истребляю себя, за что зря убили Рассею? Всѣ люди сволочи и ихъ надо давить. Въ смерти моей никого не винить. Деньги пропилъ. Псомоняковъ“.

Потомъ, въ Ревель, двѣ недѣли подрядъ всѣ языки трепали о какой то черной, какъ спичка, замѣшанной въ темныя дѣла распутницъ-сатанисткѣ.

А вскорѣ полиція нагрнула ночью и неожиданно закрыла одинъ крупный притонъ, нити отъ него вели въ „Петроградскую“. Но дѣло заглохло.

Теперь въ моихъ рукахъ была очевидно разгадка тайны:

Не смѣшивайте съ другими фирмами! Обращайте вниманіе на № 6.

Фактъ, а не реклама!!!

Не забудьте обратить вниманіе на № 6. Эстонскій магазинъ: Аптекарскій пер., № 6. Только тамъ можно дешево купить изъ хорошаго матеріала:

Модныя весеннія пальто изъ хорошаго драпа по 3.300 мар. и дороже.

Костюмы по 2.600 мар. и дороже.

Мужск. брюки по 700 м. и дороже.

Дождевики по 2.400 мар. и дороже.

Просимъ убѣдиться лично!

Просимъ не смѣшивать съ другими фирмами!

Просимъ обратить вниманіе:

Аптекарскій пер., № 6.

„Считайте меня умершимъ и дѣлайте съ рукописью, что хотите. Ирма и я недосыгаемы теперь для ихъ мести!“

3.

Вотъ она, присланная мнѣ рукопись:

„Воздухъ въ этомъ Ревелѣ престранный: положительно городъ не благополучный по суккѣ, разводамъ, растратамъ, любовнымъ исторіямъ и по прочему плѣну страстей человѣческихъ.“

Такъ было тогда въ наше время. Такъ, думаю, и теперь.

Спекулируя на коньякѣ, заработалъ и сталъ по разнымъ кружкамъ шлундрать. А ихъ—разныхъ преразныхъ—въ то время уйма народилась. И сатанисты и кокаинисты и „Звѣзда Запада“—масонская ложа. А то чаще всего просто такъ, по пьяной лавочкѣ.

У кокаинистовъ побылъ. Не понравилось. Втянешь это въ носъ щепотку: легко, хорошо и ощущение этакого могущества, точно крылья выросли.

Кажется, какая ни мелькнетъ въ головѣ мысль—все сдѣлать можешь:

Человѣкъ, безповоротно рѣшившійся, свободнѣе, чѣмъ самый могущественный тиранъ на землѣ.

Но послѣдствія, послѣдствія.

Голова ломитъ адски и на другой день ходишь, какъ мертвый, и главное полное, полное равнодушіе къ борьбѣ, женщинамъ и жизни.

Бросилъ.

Окунули меня въ мистику чернаго ордена „Звѣзда Запада“.

Такъ тамъ, кажется, совсѣмъ „шамашечкины“.

Худая, черная до отвращенія женщина-спичка, настоящая спичка, вертитъ всѣми ими, какъ хочеть. И имя этакое придумала: „Демонина“. А по моему просто спичка, черная обгорѣлая спичка. И гвоздикой препротивно отъ нея пахнетъ.

Эти „шамашечкины“ вѣрятъ, будто она можетъ производить бури въ астралѣ и даже вліять на міровыя событія, Влюблять въ себя на разстояніи людей. Какой-то мелкій военный чиновникъ или шоферъ прямо таки предложилъ ей руку и сердце, когда узналъ отъ какого то своего высокопоставленнаго начальника, что его предокъ въ XIII вѣкѣ сжегъ на кострѣ пра-пра-прабабушку худушей Демонины, цыганку—колдунью, вѣроятно, столь-же не аппетитную и пахучую, какъ она сама. И вотъ теперь она, Демонина, связана, изволите видѣть, съ этимъ начальникомъ узами Кармы.

Протекція—то-же!

Плюнулъ.

Но не тутъ-то было. Присосалась, чортъ ее возьми, Демонина.

Въ комнату къ себѣ зоветъ по ночамъ, поздно, поздно. Накурено не то монашкой, не то амброй, такъ что просто голова кружится. На жаровнѣ у камина синіе и красные, словно бенгальскіе, огоньки вспыхиваютъ. А она сидитъ на низкой софѣ въ одномъ прозрачномъ пеньюарѣ. Тѣло все до послѣдней жилочки на ней видишь. Этакая хитрая. А я сижу около на пуфѣ, съ нахальнымъ видомъ слушаю, какъ она стихи декламируетъ, да и думаю себѣ:

„Вой, матушка, вой. Кой прокъ, коль отъ тебя не то бергамотнымъ, не то шафрановымъ масломъ пахнетъ“.

А стихи все—ультра модернъ.

Игорю Сѣверянину завидуетъ—лавры его спать ей не дають.

Читаетъ, закрывая глаза, какъ кошка, на распѣвъ:

„Нѣтъ, я не Игорь Сѣверянинъ.

„Нѣтъ, я другой,—Якубъ Муа“!

„И стихъ изысканный мой страненъ,

„Какъ съ джиджеромъ Какао Шуа.

„Звѣзда поэта — какъ банально —

„Восходь имѣть и заходь.

Я — пламенный, экваторіальный

Не заходящій солнце-взлетъ!“

Имѣю сильное подозрѣніе, что этотъ доморощенный поэтъ, — „Якубъ-Муа“, „Я въ кубѣ“, какъ разъ тотъ канцелярскій писатель, который сдѣлалъ ей предложеніе изъ за загробной протекціи ея прабабушки-колдуньи.

Говорить мнѣ однажды:

— А знаете, какъ учительница моя Ирма Блаватская своихъ посвященныхъ у себя принимала.

Сдѣлалъ этокое тупое лицо:

— Нѣтъ, отвѣчалъ,— не знаю.

Она говорить:

— А не знаете, такъ знайте: голая совсѣмъ и змѣя только, какъ вѣнокъ, вокругъ прически.

Эге, думаю. Да ты, милая, никакъ до каленія дошла.

Прихожу къ ней на завтра вечеромъ. Не пускаетъ:

— Не одѣта. Подождите, я одѣнусь.

Какъ вошелъ, глядь: сидитъ она на оттоманкѣ голая, остро-костная, цвѣта сухого чернослива.

Щелкнулъ каблуками — шпоръ уже не было,—приложился къ ручкѣ и цѣжу сквозь зубы, какъ ни въ чемъ не бывало:

— Ахъ, вотъ какой этотъ костюмъ Блаватской. Очень мило. А только — Вамъ не холодно?

Она позеленѣла, топнула ногой. А потомъ засмѣялась и говорить:

— Ну, молодецъ Вы, ротмистръ. Это было только первое испытаніе. Испытаніе женщиной, второе послѣ испытанія огнемъ. Вы его съ честью выдержали. А теперь хотите подвинуться дальше по пути познанія и совершенства?

Занятно мнѣ, и свѣтъ въ головѣ злой, разсудочный. Понялъ, что играю въ опасную игру и что-то будетъ:

— Хочу — говорю.

— Ну, такъ приходите завтра въ 11 час. вечера, въ „Домъ семи смерт-

Артистка „Пестрой Маски“
Е. К. Инлой.

ныхъ грѣховъ“. Деньги у Васъ найдутся?

— Есть контактъ!

Объяснила мнѣ, какъ нужно идти: Екатериненталь, N-ская ул. N...

Тамъ недалеко отъ рельсовъ бывшей конки есть домъ. Мигалку напротивъ увидите. Свѣтитъ издалека, то вспыхивая, то потухая. Ни у кого не спрашивайте. Подъѣздъ узнаете сразу — съ грифами наверху. Обойдите домъ кругомъ. Дверь въ первомъ этажѣ, старинная оковка. Постучите пять разъ, три раздѣльно и два вмѣстѣ. Когда откроютъ Вамъ, скажите пароль, „Люциферъ — Лидія“. Уплатите 500 марокъ и потомъ исполните безъ разговоровъ нѣкоторыя непріятныя формальности. А затѣмъ, затѣмъ... она засмѣялась чувственнымъ смѣшкомъ:

— Затѣмъ надо только вѣрить своимъ ощущеніямъ и быть свободнымъ, какъ мореплаватель, отрубившій якорный канатъ отъ опостылѣвшей земли.

Клятву съ меня взяла, что не выдамъ и ничего не стану искать и распытывать самъ.

Даль. Но давая, грѣшный человекъ, примѣнилъ старый, испытанный приѣмъ іезуитовъ — такъ называемое Reservatio mentalis:

— Подумалъ, какъ разъ, о противоположномъ.

Что сей сонъ однако же можетъ значить: „Домъ семи смертныхъ грѣховъ“.

4.

Огненно мигающія рѣсницы маяковъ многозначительно вспыхивали надъ туманнымъ и саванно-тихимъ обледѣлымъ пляжемъ, когда я, миновавъ феллинскій переѣздъ, сталъ подходить къ таинственному дому.

Дѣйствительно, я сразу узналъ этотъ домъ и сталъ наблюдать.

Отъ времени до времени съ тупымъ шумомъ пролеталъ огненно-глазый автомобиль. Какъ хитрый звѣрь, выслѣживающій подходы къ добычѣ, онъ останавливался на углу, за 100—150 шаговъ не доѣзжая „того подѣзда“. А потомъ дверь тихо отворялась и закутаные пары и отдѣльныя фигуры, согнувшись, скользили къ узкому свѣтлому пятну и исчезали за дверью, на мигъ оставляя за собой бѣлую прощель ослѣпительнаго свѣта.

Потомъ опять ни огонька въ окнахъ, ни окна въ стѣнѣ.

Подошелъ, постучалъ условленнымъ пятикратнымъ сигналомъ. Изъ за двери глухой сдавленный басъ, принадлежащій, очевидно, гигантскихъ размѣровъ глоткѣ, сдержанно проглушилъ, съ явнымъ иностраннымъ акцентомъ: „Lydia“.

Я быстро отвѣтилъ: „Люциферъ“.

Дверь отворилась и огромный негръ, въ черной бархатной полумаскѣ, впустилъ меня въ переднюю. Другой, столь же внушительныхъ размѣровъ стоялъ на готовѣ у окна.

Церберъ молча сдѣлалъ знакъ, указывая на мой карманъ и очевидно требуя денегъ. Я положилъ 500 и 100 марокъ, деньги по тому времени огромныя.

Мой провожатый любезно осклабился и знакомъ велѣлъ мнѣ слѣдовать за собою. Первые двѣ комнаты были бѣдно и просто обставлены и отгорожены одна отъ другой массивными дверями на толстыхъ желѣзныхъ болтахъ.

Очевидно, непрошенному гостю долго пришлось-бы повозиться, чтобы проникнуть въ жилыя части, даже имѣя съ собой цѣлую полицейскую команду съ ломами и отмычками.

Въ послѣдней комнатѣ меня встрѣтилъ толстый господинъ, въ докторскомъ халатѣ и въ глухой маскѣ, закры-

вавшей лицо. Видно было только, какъ живые влажные миндальные глаза нагло и вмѣстѣ съ тѣмъ опасно слѣдили за мной изъ подъ очковъ.

Голосомъ, который показался мнѣ страшно знакомымъ и который я не разъ слышалъ, встрѣчаясь въ обществѣ съ докторомъ NN, онъ произнесъ: „Раздѣньтесь“.

Послѣ унижительнаго осмотра, во время котораго онъ осматривалъ меня какъ лошадь, докторъ далъ выпить мнѣ что то изъ бокала, сказавъ: „Не беспокойтесь, Kein Gift!*) Напитокъ былъ похожъ на венгерское. Я ясно различилъ присутствіе мускуса. Затѣмъ маска вдругъ потушила свѣтъ и, пропуская меня безъ всякихъ признаковъ одежды въ открывшуюся дверь, властно и угрожающе отчеканила по русски:

— *Идите. Днятъ вы можете все. Но ни одного слова ни съ кѣмъ здѣсь подѣ угрозой смерти.*

5.

Въ полной, абсолютной темнотѣ мои босыя ноги пріятно ушли въ глубокой, толстый, мохнатый коверъ, заглушавшій каждое движеніе. Было жарко и разгоряченное лицо явственно ощущало благовонную струю, несшую съ собой раздражающіе и безпокойные ароматы. Откуда-то доносилась тихая музыка, серебристая какъ легкій свистъ змѣи или звуки отдаленной флейты.

Рѣзкіе отрывистые звуки, отъ времени до времени врывавшіеся въ ея томный ритмъ, производились инструментомъ типа египетскаго систра.

Острое ощущеніе неловкости и холода, молніей пронесшееся по всему тѣлу, сказало инстинкту: „тутъ есть еще другіе люди“.

Секунду спустя, рядомъ съ собою я услышалъ страстный, точно сдавленный стонъ, стонъ любовной истомы.

Шла оргія.

Ступивъ, неувѣренной поступью, шагъ дальше, я споткнулся, и протянутая рука вдругъ уперлась въ живыя теплыя женскія формы.

„Это“ испуганно метнулось въ сторону, но, ничего не видя въ темнотѣ, наткнулось на меня. И въ одно остро мгновенное короткое бѣненіе я ощутилъ

*) Не ядь.

въ своихъ объятіяхъ молодую, сильную божественно сложенную женщину.

Что-то давнымъ давно знакомое, забытое, погребенное въ нижнихъ пластахъ пережитого — безсознательнаго вдругъ колыхнулось во мнѣ и я ощутилъ, что вотъ, вотъ я сейчасъ долженъ вспомнить образъ, когда то мучительно близкій и волнующій.

Но въ слѣдующій-же мигъ другая, маленькая, костляво-жесткая рука вдругъ легла мнѣ на шею, и столь знакомый и непереносимый прежде запахъ смуглаго тѣла Демонины ударилъ теперь мнѣ въ голову всеопьяняющей волной вожделения.

Забывъ все, какъ корабельщикъ, обрубающій якорный канатъ, чтобы пуститься въ неизвѣданно дальнее плаваніе, я схватилъ ее на руки. И темнота и шопоты и раздраженные ароматы любви, дикая музыка, слившаяся въ какой-то неистовый спазмъ, темной волной захлестнули мой разумъ.

... Очнулся я въ пустой и холодной передней, совершенно изнеможенный и одѣтый.

Страшно болѣла голова и ныло все тѣло.

Тотъ-же негръ, мрачный и нѣмой, выпустилъ меня за дверь.

Надъ обледѣлыми деревьями парка и громадой соннаго города висѣлъ предразсвѣтный холодный и сырой мартовскій туманъ...

6.

... Странныя прикосновенія той, другой, неизвѣстной женщины? *Что такое долженъ я, долженъ вспомнить. И не могу, не могу.*

7.

Съ той ночи началось.

Похмѣлье какой-то наркотической отравы и воспоминанія этой дьявольской изступленно-чувственной женщины, одаренной какою-то странною силой, ея запахъ, сидѣвшій, несмотря на всяческія омовенія, въ каждомъ атомѣ моего тѣла, доводили меня до отвращения и бѣшенства.

Но вечеромъ неудержимое влеченіе брало свое, и каждую ночь я брелъ подъ огненно мигающими рѣсницами маяковъ туда въ паркъ, къ проклятому дому „семи смертныхъ грѣховъ“.

Артистка „Пестрой Маски“ Л. К. Нелидова.

Осязаніе мое, какъ у слѣпого, утончилось и развилось. По ощущенію тошнотворнаго отталкиванія я угадывалъ мужчину. А по одному прикосновенію кожи, атласистой, жесткой или упругой я улавливалъ — или думалъ, что могу уловить, какая была эта женщина и какова была ея наружность, возрастъ и социальное положеніе.

Я узналъ, какъ женщинъ, и другихъ обитательницъ темной комнаты грѣха. Судя по ихъ кожѣ и формамъ, тамъ были богатые и бѣдные, молодые и среднихъ лѣтъ, изнѣженные дамы и загнанныя работой конторщицы.

Одна только оставалась для меня недостижимой тайной: та, которой случайно коснулся я въ первое мое появленіе въ этомъ домѣ.

Въ темнотѣ, не зная, не видя и лишь ощущая ея образъ, я упорно искалъ ее, искалъ каждую ночь.

Она, вѣроятно, также, потому что разъ или два, коснувшись случайно ея руки — я зналъ это навѣрное: *ея руки*, — я ощутилъ короткое, какъ бѣненіе сердца, жаркое пожатіе.

Но каждый разъ жесткая худая ко-
стяшка Демонины тяжело ложилась на
мое плечо, и, несмотря на всѣ мои усилія,
какая-то сила, неясная въ темнотѣ,
всегда насъ съ той, невѣдомой, разъеди-
няла. Воображеніе, однако, работало и я
ясно представлялъ себѣ ея образъ.

Она, Ирма, блондинка, съ бѣлокуро-
ми волосами и тѣломъ греческой
богини.

Однажды, въ часы похмѣлья я забылъ
короткимъ сномъ.

И странно: изъ глубинъ безсозна-
тельного вдругъ всталъ очарованіемъ
сна образъ живой, настоящей Ирмы —
первой любви моихъ юношескихъ лѣтъ,
съ которой такъ странно и нелѣпо
оборвались наши отношенія.

Ирма Погорская была дочь богатаго
помѣщика изъ сосѣдняго уѣзда. Это
былъ отпрыскъ очень странной и очень
особенной семьи. На протяженіи пяти
поколѣній мужчины этого рода были
ростовщиками, дѣлателями состояній и
темными дѣльцами. А женщины — кра-
савицы Мессалины, съ испорченной и
распутной фантазійей.

За Ирмой было большое приданное и
моя мать всячески поощряла мои уха-
живанія. Ирма отдалась и мы пережили
съ ней мѣсяць огромнаго неупиваемаго

счастья. Но лживая и порочная натура
ея сказала. Она стала лгать и нароч-
но колотъ и подхлестывать мою ревность.
И перехвативъ ее любовное письмо
къ моему-же пріятелю, Витькѣ Гоголев-
скому, милому парню, ограниченному и
добродушному, котораго всюду и вездѣ
я же тянулъ за уши съ курса на курсъ,
я на студенческой вечеринкѣ вытянулъ
ее хлыстомъ и ушелъ отъ нея, чтобы
никогда не возвращаться.

Вскорѣ меня арестовали по полити-
ческому дѣлу.

И когда, нѣсколько мѣсяцевъ спустя,
я вышелъ, Ирма была уже замужемъ за
Витькой и уѣхала съ нимъ въ Читу,
гдѣ онъ получилъ мѣсто кандидата на
судебныя должности.

... Почему теперь стала упорно
жечь меня мысль:

— Она, эта невѣдомая женщина въ
домѣ „семи смертныхъ грѣховъ“, она —
моя Ирма?

8.

Тайна мучила меня, а неистовыя но-
чи оргій расшатали мою волю и здо-
ровье. Но отказаться уже не было
силъ. Каждый вечеръ я былъ, какъ
игрокъ въ безнадежную игру, гдѣ выи-
грышемъ было Наслажденіе, а проигры-
шемъ — преступленіе и смерть.

Я понималъ, что единственнымъ спа-
сеніемъ было только бѣгство. Вотъ
почему я ухватился тогда за мысль объ
Аргентинѣ и каждый день ходилъ къ
Вамъ въ редакцію.

Я продалъ все, что имѣлъ. И я, дво-
рянинъ и командиръ Ястребинаго диви-
зіона, я, ротмистръ Василискъ, не въ
силахъ будучи противостоять соблазну,
конечно, докатился бы до кражи,
убійства, смѣновѣховства и предатель-
ства.

Да, по истинѣ:

— Домъ семи смертныхъ грѣховъ! —

Надо было что-то сдѣлать. Случай
помогъ мнѣ. Однажды, влетѣвшій ко
мнѣ пріятель корнетъ Карышевъ, вол-
нуясь и спѣша, рассказывалъ о новомъ
успѣхѣ большевиковъ, о вызовѣ Краси-
на въ Лондонъ, о снятіи Англійей бло-
кады совѣтскихъ побережій.

Поглощенный страстью я отошелъ
отъ товарищей и уже не слѣдилъ за
политикой. Мнѣ было все равно. И
механически поддакивая ему въ отвѣтъ,
я упорно думалъ свое:

Артистъ „Пестрой Маски“
Е. Н. Кузнецовъ.

— Удастся или не удастся мнѣ найти ее сегодня?

Вечеромъ въ домѣ „семи смертныхъ грѣховъ“ Демонины почему-то вдругъ не оказалось и послѣ первыхъ же поисковъ мы съ Ирмой нашли одинъ другого и очутились въ объятіяхъ.

Помню странное ощущеніе: точно впервые, послѣ долгихъ скитаній на тропѣ жизни, я нашелъ родную мнѣ половину моего существа, до вѣка оторванную отъ своего первичнаго единства и брошенную въ мірѣ, чтобы вѣчно искать и вѣчно мучиться неудовлетворенностью встрѣчи.

Мы не успѣли сказать другъ другу ни одного слова, какъ вдругъ, въ темнотѣ протоптали торопливые бѣгушіе шаги, взвизгнулъ сердитый фальцетъ Демонины и двое негровъ, набросившись на меня, насъ потащили. Меня связали, закутали глухою повязкою глаза, заткнули ротъ и бросили въ тѣсный чуланъ, находившійся, судя по длинѣ пути, которому меня тащили, рядомъ съ комнатой оргій.

Въ домѣ дѣлалось что-то необычайное.

Сначала былъ какой-то шумъ, точно переставляли что-то тяжелое. Потомъ слышенъ былъ гулъ многихъ человѣческихъ голосовъ, а затѣмъ наступила тишина, вдругъ прерванная заглушенными звуками „интернационала“ и странными, точно молитвенными возгласами.

Сдвинувъ повязку съ глазъ, я кое-какъ перетеръ веревки объ желѣзный уголь сундука. И, взявъ желѣзное копье отъ камина, сталъ осторожно пробираться къ выходу, рѣшивъ дорого продать свою жизнь, и, хотя бы цѣною жизни, разгадать тайну дома.

Въ первыхъ комнатахъ не было никого. Негры, очевидно, участвовали въ оргіи. Подкравшись на цыпочкахъ къ двери комнаты оргій, я увидѣлъ свѣтъ, и, заглянувъ въ пространство между полуприкрытыми дверями, оstonбенѣлъ отъ изумленія. Краснымъ штофомъ обитая, по восточному убранная комната была ярко освѣщена.

Въ углу полузавѣшенное какими-то занавѣсами расшитыми таинственными кабаллистическими знаками возвышалось на кошунственномъ подобіи алтаря отвратительно оскаливъ зубы, огромное, съ козлиными рогами изъ чернаго мра-

Артистъ „Пестрой Маски“
Ю. Б. Коншинъ.

мора изображеніе Дьявола - Бафомета, которому здѣсь поклонялись. А кругомъ, распростершись у кошунственныхъ символовъ грѣха полулежали и стояли на колѣняхъ красивыя, обнаженныя, нѣкоторые въ кольцахъ и брилліантахъ, женщины и упитанные мужчины въ черномъ, съ красными пятиконечными звѣздами на груди.

Рядомъ съ громаднымъ мужчиной, съ плоскимъ лицомъ идиота, стояла на колѣняхъ она, Ирма Погорская, моя Ирма, только что отдававшаяся мнѣ, какъ жена и двойникъ моего я.

Копье судорожно поднялось въ моей рукѣ.

Но, какъ тогда на аэродромѣ, описывая первую мертвую петлю на ломкомъ „Блеріо“, желѣзнымъ усиліемъ воли я сдержался, тихонько отошелъ отъ двери и никѣмъ не замѣченный вышелъ на улицу.

9.

День прошелъ въ безсмѣнной напряженной слѣжкѣ передъ занятой тогда „этими“ Петроградской гостинницей.

Теперь, послѣ того, что между нами произошло, я зналъ, что она — моя раба. И хотя цѣною жизни, но поѣдетъ ночью въ Екатеринбургъ разыскивать меня

Артистъ „Пестрой Маски“
Я. В. Пальмъ.

тамъ, въ домѣ „семи смертныхъ грѣховъ“.

Когда она вышла и, оглядываясь, сѣла на извозчика я, не теряя ни секунды, вскочилъ рядомъ.

Черезъ 15 минутъ мы были въ моей квартирѣ. Вынувъ браунингъ, я навелъ на нее вороненое дуло: „Проклятое отродье проклятой семьи! Ты сатанистка! Но, смѣясь и плача, она бросилась къ моимъ ногамъ:

— Нашла, наша. Всю жизнь искала тебя и вотъ наша. Убей меня, я теперь счастлива.

Мы пережили съ ней бредовую ночь страсти и я сказалъ ей, что прошу и возьму ее, если она поможетъ мнѣ отомстить и разрушить этотъ притонъ грѣха и преступленія.

А потомъ мы уѣдемъ съ ней въ далекую страну и тамъ въ пустынѣ передъ лицомъ Бога начнемъ новую жизнь или я ее уничтожу.

— Да, да, конечно, да! Ты убьешь Псомонякова, а я заставлю его подписать записку о самоубійствѣ.

Разказала, какъ мужа ея Витю, судебного слѣдователя, разстрѣляли въ Читѣ большевики и комиссаръ Псомоняковъ,

полу-якутъ, полу-русскій, бывший вышибала въ китайскомъ притонѣ, насильно взялъ ее и вывезъ сюда своей содомкой.

А ночныя радѣнія въ домѣ „семи смертныхъ“ грѣховъ и кошунственное служеніе дьяволу Бафомету устраивали здѣсь совдамы, слѣдуя модѣ, давно установившейся уже въ Петроградѣ и Москвѣ, гдѣ на всѣхъ высшихъ постахъ совѣтской власти и компартіи сидятъ сатанисты и поклонники Грѣха.

Потомъ, соединивъ мою и свою кровь въ общемъ сосудѣ, она выпила сама и, заставивъ меня выпить крови, вылила остатки ея на вотъ эту прядь волосъ, которую я Вамъ посылаю:

— Я буду рабыней и псомъ въ твоихъ глазахъ, покуда кровь этого чловѣка не ороситъ этихъ волосъ и ты въ знакъ прощенія не бросишь ихъ на его могилу.

Псомоняковъ черезъ нѣсколько дней долженъ былъ уѣзжать въ Россію и мы рѣшили, что я раздобуду визы для себя и для Ирмы подъ чужимъ именемъ, а Ирма подготовитъ все, что нужно для мести и для бѣгства.

Я знаю, что Вы будете смѣяться надо мной. Расчувствовался, далъ провести себя хитрой бабѣ. Но вѣрьте мнѣ: я теперь благословляю день и часъ, когда я принялъ это рѣшеніе.

11.

Къ подъѣзду чистенькаго вокзала въ Немме, за нѣсколько минутъ до отхода послѣдняго двѣнадцати часового ревельскаго поѣзда, плавно подкатилъ автомобиль.

Изъ него вышелъ, пошатываясь, мрачный полуазиатскаго вида чловѣкъ.

Рядомъ съ нимъ шла изящная, слегка вызывающе одѣтая дама.

Мужчина скандалилъ и лѣзъ прямо въ поѣздъ:

„Плевать я хочу на билетъ. Какъ, я значить, Псомоняковъ, коммунистъ и по теперешнему персону, здѣсь у меня въ мошнѣ миллионъ. И какого монаха мнѣ билетъ. Не желамъ, тысячу штрафовъ заплатимъ“.

Дама успокаивала его и они сѣли въ поѣздъ.

Публики въ вагонахъ и на площадкахъ почти не было.

Поѣздъ тронулся и, медленно отступая во тьму, остался позади освѣщенный перронъ. Когда змѣя вагоновъ втянулась въ поле, гдѣ изъ подъ искръ свѣтовой полосы оконъ колдовалъ видѣніями весенній туманъ, на площадку вышелъ высокій человѣкъ, по походкѣ кавалеристъ, въ штатскомъ пальто и сѣрой шляпѣ. Проходя мимо Псомонякова, онъ пристально посмотрѣлъ на даму. И та быстрымъ движеніемъ, точно ластяся, сунула въ карманъ пальто комиссару небольшой незапечатанный конвертъ.

Въ слѣдующее мгновение Василискъ и Ирма быстрымъ движеніемъ ринулись на Псомонякова. Грузная фигура комиссара наклонилась надъ буферами вагона, перевѣсилась и, разжавъ руки, грузно упала подъ колеса.

Раздался тупой хряскъ.

Мужчина, не торопясь, вернулся въ вагонъ и заговорилъ тамъ съ первымъ сосѣднимъ пассажиромъ. А минуту спустя зазвенѣлъ на платформѣ неистовый женскій крикъ:

— Спасите, спасите! Человѣкъ подъ поѣздомъ.

Тяжело бухнулъ тормазъ и колеса, заскрипѣвъ, замедлили движеніе.

11.

Полиція вошла въ домъ „семи смертныхъ грѣховъ“ съ чернаго входа, взломавъ дверь неслышно для опьянѣвшихъ привратниковъ. Въ темнотѣ красной комнаты оргій блеснули электрическіе фонари и глазамъ вошедшихъ представилось омерзительное зрѣлище: фигуры обнаженныхъ тѣлъ, молодыхъ и старыхъ, красивыхъ и безобразныхъ передъ мерзостнымъ изображеніемъ Бафомета.

Когда обыскъ былъ конченъ, худая и длинная женская фигура, видимо запоздавъ, подошла съ улицы къ двери. Это была Демонина.

Случайно въ этотъ моментъ изъ двери дома вышелъ полицейскій.

Какъ ни въ чемъ не бывало Демонина подошла къ нему и взволнованно сказала:

— За мной гонятся какіе то хулиганы. Какое безобразіе! Господинъ околочный, проводите меня до Нарвскій.

Полицейскій любезно улыбнулся, отдалъ честь и проводилъ ее до поворота улицы.

Переѣхавъ, якобы, для леченія нервовъ въ Зеевальдъ и ликвидировавъ прежнюю квартиру, Демонина переждала тамъ полицейскую грозу и черезъ нѣсколько времени, съ расчетомъ переменить фамилію, вышла замужъ за своего мистическаго поклонника, изъ мѣстныхъ канцелярскихъ „писателей“.

Расчетъ оправдался вполнѣ.

Послѣ брака Демонина навсегда исчезла съ ревельскаго горизонта. Но за то вновь всплыла — на этотъ разъ восходящая звѣзда теософіи — kodanik rooua Минна Германовна Югансонъ.

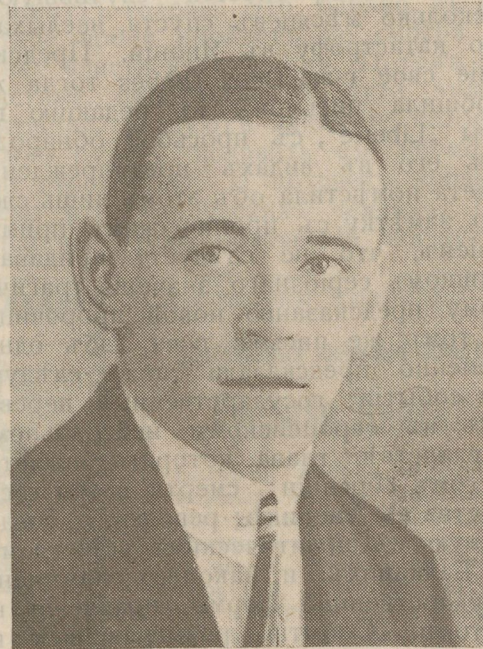
Но кончаю, кончаю...

Моя послѣдняя просьба къ Вамъ:

— Узнайте, гдѣ похороненъ въ Немме „самоубійца“ Псомоняковъ.

Эту прядь волосъ Ирмы, орошенную его и нашею съ нею кровью, воткните въ землю на его безславной могилѣ. Пусть засохнетъ, утишивъ мстительныхъ духовъ — ларвѣ, лишнее питающаго корня Зло, выросшее когда то изъ Грѣха, Порока и Преступленія.

У Ирмы недѣлю назадъ родилось двое мальчиковъ. Крѣпкіе будутъ воины — въ каждомъ свыше 10 фунтовъ. Жизнь здѣсь простая, грубая, но здоровая. У меня свыше 50 штукъ лоша-

Артистъ „Пестрой Маски“

Г. И. Соловьевъ.

дей, Богъ плодитъ стада и скоро мы всѣ будемъ богаты.

На деньги Псомонякова купилъ здѣсь цѣлую гаціенду. Наши „Ястреба“, летчики моего дивизиона, здѣсь тоже со мною. По первому приказу — летимъ.

Вашъ ротмистръ Василискъ.

P.S. Ирма исправилась совѣмъ. Вчера я обвинчался съ нею и мы вполнѣ, вполнѣ счастливы, поскольку это можно безъ и внѣ Россіи.

12.

... Иду подъ только что зазеленѣвшими вѣтвями деревьевъ Екатеринентальскаго парка, и душу сверлитъ дума:

— Можетъ ли подняться женщина, молившаяся Дьяволу и Наслажденію въ красной комнатѣ оргій. И гдѣ, гдѣ здѣсь въ Ревелѣ былъ этотъ:

— Домъ семи смертныхъ грѣховъ.

Александръ Черниговскій.

Міровыя предсказанія Deux Thèbes — Второй Тэбъ.

Въ самомъ началѣ настоящаго года въ Парижѣ была выпущена брошюрка, достигшая въ первые же дни по выходѣ въ свѣтъ прямо сенсационнаго успѣха. Брошюра эта содержитъ перечень событій, которые должны совершиться въ теченіи 1924 года въ важнѣйшихъ государствахъ міра, по предсказаніямъ особенно популярной теперь во Франціи ясновидящей, пишущей подъ именемъ Deux Thèbes (Второй Тэбъ). Она впервые обратила на себя вниманіе тѣмъ, что въ Іюнѣ прошлаго 1923 года предсказала до удивительно точныхъ подробностей случившуюся нѣсколько мѣсяцевъ спустя, неслыханную катастрофу въ Японіи. Предсказаніе свое г-жа Deux Thèbes тогда же сообщила письмомъ въ редакцію газеты „Liberté“, съ просьбой обнародовать его въ видахъ предупрежденія. Газета помѣстила объ этомъ лишь сжатую замѣтку съ ироническимъ примѣчаніемъ, что не слѣдуетъ придавать слишкомъ серіознаго значенія трагическому предсказанію новой пророчицы. Въ томъ же письмѣ г-жа Тэбъ одновременно предсказала также слѣдующія событія: государственный переворотъ въ европейскомъ нейтральномъ государствѣ, глава котораго является другомъ Франціи; смерть главы государства въ Америкѣ; революцію, соединенную съ политическимъ убійствомъ, на Балканахъ, и, наконецъ, измѣненіе государственной формы правленія на востокѣ. Событія, разыгравшіяся во второй половинѣ 1923 года въ политической жизни государствъ и блестяще подтвердившія всѣ вышеупомянутыя

предсказанія г-жи Тэбъ, извѣстны всѣмъ—это: государственный переворотъ въ Испаніи, произведенный генераломъ Примо де Ривера; смерть въ Америкѣ президента Гардинга; революція въ Болгаріи съ убійствомъ предсѣдателя правительства Стамболійскаго, и провозглашеніе Турецкой Имперіи — республикой.

Послѣ исполненія этихъ предсказаній, не только во Франціи, но и въ другихъ странахъ очень заинтересовались личною означенной ясновидящей и ея удивительнымъ даромъ, причемъ даже закоренѣлые скептики, прежде только пренебрежительно пожимавшіе плечами, теперь не находятъ успокоительнаго объясненія для этой поразительной пронизательности. Замѣчательно, что объ этой новой Пифіи, сразу привлекшей къ себѣ несравненно большее вниманіе, чѣмъ ея предшественница, старая, нынѣ уже умершая, г-жа de Thèbes I, почти ничего опредѣленнаго не извѣстно, такъ какъ она до сихъ поръ тщательно сохраняетъ свое инкогнито, раскрыть которое, не смотря на неоднократно дѣланная ей предложенія черезъ газеты, не желаетъ ни за какую цѣну. Извѣстно только, по ея собственному сообщенію въ названной брошюрѣ, что происходитъ она изъ богатой фамиліи, занимаетъ выдающееся положеніе въ обществѣ и живетъ счастливою семейной жизнью. Предсказаніе будущаго не составляетъ ея занятія, наоборотъ, способность предсказанія она пріобрѣтаетъ только при исключительныхъ обстоятельствахъ въ состояніи полусна, въ который впадаетъ

послѣ долгой подготовки, почему никогда никому не гадаютъ по просьбамъ или за плату.

Даръ предвидѣнія открыла у себя г-жа Thèbes II случайно, болѣе пятнадцати лѣтъ тому назадъ, когда однажды, въ полуснѣ, ясно видѣла одно трагическое событіе, явно угрожавшее жизни ея тестя и исполнившееся потомъ, черезъ три мѣсяца, до мельчайшихъ подробностей. Единственно благодаря только мѣрамъ, принятымъ подъ влияніемъ яркаго живого сна, удалось, по крайней мѣрѣ, сохранить жизнь ея тестю. Затѣмъ, такіе случаи ясновидѣнія у нея неотнократно повторялись и г-жа Thèbes путемъ продолжительной работы надъ собой довела, съ теченіемъ времени, эту способность до значительной интенсивности.

Посмотримъ, какую же судьбу предсказываетъ г-жа Deux Thèbes въ своей брошюрѣ человечеству на ближайшее время, начиная съ 1924 года.

Оказывается, что 1924 годъ не принесетъ человечеству желаннаго, послѣ годовъ страданій и терзаній мировой войны, успокоенія. Очевидно, карающая рука Немезиды не хочетъ оставить безнаказанными страны, предавшія, вопреки разумнымъ и братскимъ началамъ, своихъ товарищей по оружію и вступившія изъ корыстолюбивыхъ побужденій, въ сношенія съ ужасными мировыми преступниками.

Борьба двухъ направлений—консервативнаго и революціоннаго принесетъ міру еще много печалей, бѣдствій и слезъ, особенно Англии и Франціи. Въ средней Европѣ невыразимый трауръ.

Балканская сопка снова пробудится къ дѣйствию. Возгорится великій бой. Потечетъ много крови. И только въ Россіи и отчасти Германіи въ ближайшемъ будущемъ наступитъ улучшение, вслѣдствіе перемѣны режимовъ.

Въ виду того, что нѣкоторыя изъ предсказаній г-жи Тэбъ на текущій годъ уже сбылись (большое наводненіе и желѣзнодорожная катастрофа въ окрестностяхъ Парижа, смѣна правительствъ въ Англии и Франціи, смерть Ленина и паденіе трона въ Греціи), а также въ виду того всеобщаго вниманія, которое возбудила упомянутая брошюра, мы полагаемъ, что и для нашихъ читателей не безинтересно будетъ познакомиться съ подробнымъ содержаніемъ ея, хотя бы изъ простаго любопытства.

Во Франціи, въ первые мѣсяцы года, разовьется партійная борьба съ большей горячностью, чѣмъ когда-либо передъ тѣмъ, и выразится, главнымъ образомъ, въ борьбѣ двухъ теченій: консервативнаго и революціоннаго. Выборная компанія не будетъ происходить при нормальныхъ условіяхъ, вслѣдствіе весьма важнаго денежнаго обстоятельства, которое вызоветъ неудовольствіе массъ, такъ что враги Франціи снова поднимутъ головы. Это, однако, въ короткое время пройдетъ, не смотря на смѣну власти къ худшему. Потомъ несчастные, свѣденные съ пути чужой агитаціей, раздуютъ движеніе, которое нужно будетъ подавить съ неумолимой строгостью. И потечетъ кровь и слезы въ французскихъ семьяхъ. Послѣдствія этихъ потрясеній отзовутся,

GRAND PREMIO

A. ADAMKA.

SAARA KAUPPLUS VANAPOSTI T. 2.
TALLINN-REVAL.

Самая красивая и изящная обувь.

Центральный книжный складъ

„Русская Книга“

Большой выборъ всевозможныхъ книгъ. Последнія новости. Классики. Дешевыя книги для легкаго чтенія. Мемуарная литература. Научныя изданія. Учебники. Книги для дѣтей и юношества.

Ревель, Королевская, 3.

непосредственно на экономической жизни Франціи и дороговизна, которая уже замѣтно уменьшилась, снова увеличится.

Однако надъ этимъ сплетеніемъ честолюбій и страстей поднимется желѣзная рука, горячо поддержанная всѣмъ народомъ, которая и принесетъ Франціи въ политической и социальной жизни желанное успокоеніе. Также и въ другихъ отрасляхъ перспектива не утѣшительна. Въ началѣ года будутъ большія наводненія на западѣ и юго-западѣ страны. На югѣ въ лѣтніе мѣсяцы разовьется страшная эпидемія, которая унесетъ много жертвъ. Въ окрестностяхъ Парижа въ первые пять мѣсяцевъ года будетъ желѣзно-дорожная катастрофа, съ большимъ чис-

ломъ пострадавшихъ. Въ то же время ужасно взволнуетъ населеніе пожаръ Парижскаго общественнаго зданія съ большимъ количествомъ посѣтителей. Будутъ великолѣпныя похороны при участіи почти всей столицы: умереть великій вождь, одинъ изъ тѣхъ, кто во время войны сохранилъ свѣтъ и цивилизацію. Появится театральное произведеніе, триумфальный успѣхъ котораго напомнитъ успѣхъ лучшаго произведенія Ростана. Одинъ великій художникъ, всѣми любимый, неожиданно отойдетъ въ вѣчность.

Окончаніе предсказаній относительно Англии, Италіи, Испаніи, Балканъ, Китая, Японіи, Америки и *Россіи* — будетъ помѣщено въ слѣдующемъ номерѣ.

Танецъ Черной Змѣи.

Мирра Надія.

Стукъ ножей, звонъ стакановъ, смѣхъ женщинъ, веселые голоса мужчинъ сливались въ какой-то глухой рокоть, напоминающій отдаленный ревъ разсерженнаго моря.

Сотни огней громадныхъ люстръ переливались всѣми цвѣтами радуги въ хрусталѣ приборовъ. Дымъ папиросъ и сигаръ подымался надъ головами сидящихъ синеватыми спиралями, расплзался въ прозрачныя колеблющіяся пятна и исчезалъ гдѣ то высоко, подъ сводами громаднаго зала моднаго парижскаго ресторана L'étoile.

Зеркала отражали нарядную праздную толпу, заброшенную капризомъ судьбы въ блестящую столицу Франціи.

На эстрадѣ пѣла какая то шансонетка, такая тоненькая и маленькая, что ее легко можно было принять за двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку. Взрывы откровеннаго мужского смѣха часто прерывали птичье щебетанье пѣвицы. Какой то усердный поклонникъ французскаго коньяка, высокий, толстый, краснощекий англичанинъ разложилъ передъ собой, на столикѣ, носовой платокъ; вытащилъ изъ кармана довольно объемистый бумажникъ, и принялся изъ него выбрасывать фунтовыя бумажки немилосердно комкая ни въ чемъ неповинныя деньги.

Когда кучка денегъ приняла довольно значительные размѣры, англичанинъ завязалъ платокъ, невѣрными шагами направился къ эстрадѣ, куда и бросилъ свой мало элегантнѣй, но зато очень цѣнный даръ.

Публика, обрадованная возможности пошумѣть, принялась неистово аплодировать.

Жеманно раскланиваясь налѣво и направо и прижимая къ груди оригинальный подарокъ, шансонетка ушла.

Раздались звуки заунывной тоскующей мелодіи. Они кого то звали, кому то грозили, что то обѣщали. Звуки ширились, наполняя собою весь залъ.

Шумъ началъ стихать, казалось, что чья то невидимая, исполинская рука медленно отодвигаетъ куда то далеко блистающій огнями залъ и всю эту пеструю толпу. Голоса становятся все глуше и глуше.

Глаза съ нетерпѣніемъ устремились на эстраду. Высокая женская фигура медленно двигалась къ рампѣ. Зелено-вато-черный стеклярусъ узкаго длиннаго платья вспыхивалъ яркими короткими огоньками, меркнулъ, чтобы вспыхнуть черезъ мгновеніе въ другомъ мѣстѣ и опять погаснуть при новомъ движеніи танцовщицы.

Узкій длинный шлейфъ ползъ и извивался, какъ змѣиный хвостъ. Стройныя руки то вытягивались вдоль гибкаго тѣла, то манили и звали къ себѣ. Черныя тяжелыя косы скользили по блестящему платью. Казалось, что это двѣ живыя страшныя змѣи. Темное бронзовое лицо, обрамленное массой иссинечерныхъ волосъ, было неподвижно и безстрастно. Свѣтло сѣрые, почти прозрачные глаза, смотрѣли куда то далеко, поверхъ всѣхъ разгоряченныхъ лицъ.

Музыканты то замедляли, то ускоряли темпъ, сообразуясь съ плавными, полными жуткаго очарованія движеніями знаменитой исполнительницы танца черной змѣи, Медже Рама.

Замеръ послѣдній аккордъ.

Передъ зачарованнымъ заломъ стояла женщина змѣя. Руки, закрытыя до конца тонкихъ породистыхъ пальцевъ блестящими узкими рукавами, волнообразно двигались вдоль стройнаго, медленно извивающагося тѣла. Окаменѣвшее лицо притягивало холодными немигающими глазами.

Тягостное, напряженное молчаніе длилось нѣсколько секундъ, и, вдругъ, по залу пронесся, какъ шелестъ листьевъ, шопотъ восхищенія. Все задрожало и зазвенѣло отъ грома аплодисментовъ, которые вмѣсто того, чтобы смолкнуть, все крѣпли и ширились, разливаясь широкой волной.

Танцовщица медленно подошла къ рампѣ, большіе свѣтлые глаза спокойно окинули все это волнуемое море головъ, легкое движеніе руки было благодарственнымъ жестомъ сказочной восточной повелительницы, стоящей передъ покорной толпой. Аплодисменты замирали. Слышны были только отдѣльные хлопки, но скоро умолкли и они.

Опять зажужжалъ потревоженный улей, зазвенѣли бокалы, застучали тарелки. Изъ ста присутствующихъ восемьдесятъ, конечно, обсуждали необычайное происшествіе, давшее великолѣпный матеріалъ обрадованнымъ сотрудникамъ парижскихъ газетъ.

Извѣстный богачъ, мучной король, Франсуа Берте былъ найденъ мертвымъ въ постели. Наканунѣ вся прислуга ушла на цѣлый день до поздняго вечера въ отпускъ. Послѣднимъ былъ отпу-

щенъ шоферъ, привезшій своего господина въ половинѣ седьмого домой.

Камердинеръ покойнаго вернулся около часа ночи. Въ спальнѣ хозяина было темно, и слышалось спокойное дыханіе спящаго. Убирая на утро кабинетъ, слуга нашелъ на полу, около дивана, роговую дамскую шпильку. Находка очень удивила прислугу, такъ какъ Берте никогда не принималъ у себя дамъ. Въ девять часовъ камердинеръ постучалъ въ дверь спальни. Въ это время Берте всегда пилъ молоко, но въ комнатѣ царила тишина. Выждавъ полчаса, слуга постучалъ еще разъ, никакого отвѣта.

Черезъ часъ, обезпокоенный страннымъ молчаніемъ, всегда аккуратнаго въ своихъ привычкахъ хозяина, камердинеръ рискнулъ войти въ спальню.

Берте не проснулся и продолжалъ спокойно лежать, подложивъ руку подъ голову. Пьеръ (камердинеръ) уже хотѣлъ уйти, какъ вдругъ его вниманіе привлекла большая синяя муха. Она преспокойно усѣлась на губы спящаго и принялась чистить крылышки.

Разбогатѣвшій портной у художника.

— Вѣдь я Вамъ, милостивый государь, сказалъ, что хочу имѣть портретъ во весь ростъ! Что же Вы не снимаете съ меня мѣрку?!

Въ концертѣ.

Она. — Этотъ шумъ означалъ восходъ солнца, а теперь придетъ та увлекающая вѣчная симфонія, знаешь, вѣчная...“

Онъ. — „Вѣчная? Гмъ, это, пожалуй, поздно придемъ домой...“

Страшная мысль, какъ молнія, пронизала мозгъ слуги.

Подносъ съ грохотомъ выпалъ изъ похолодѣвшихъ рукъ.

На цыпочкахъ Пьеръ осторожно подошелъ къ кровати и дотронулся до плеча спящаго. Подъ пальцами было что то холодное и жутко неподвижное.

Вызванный по телефону докторъ могъ констатировать, что смерть наступила нѣсколько часовъ тому назадъ. Допросъ прислуги не далъ ничего существеннаго.

Господинъ отпустилъ ихъ на цѣлый день. Имъ не приходила даже мысль въ голову, что этотъ отпускъ былъ данъ съ какой нибудь цѣлью.

Откуда появилась таинственная шпилька, они не знаютъ.

Никакихъ постороннихъ дамъ, кромѣ сестры покойнаго, графини Монтрема, они никогда въ домѣ не видѣли.

Ухаживалъ ли ихъ господинъ за какой нибудь дамой?

Шоферъ говорилъ, что онъ не разъ подвозилъ Берте къ дому № 9 на rue d'Alger: тамъ жила маленькая пѣвичка изъ Варьетъ.

Самое странное въ этой исторіи было то, что исчезли всѣ наличныя деньги и коллекція брильянтовъ, на очень крупную сумму.

Дамы особенно горячились, увѣряя своихъ собесѣдниковъ, что Берте не могъ умереть отъ паралича сердца. Его

убили. Убила женщина изъ ревности. Это она потеряла свою шпильку.

— Но при чемъ же тутъ деньги?! — иронически спрашивали мужчины. — Развѣ ревность распространяется и на брильянты?

Дамы сконфуженно умолкали, но признать себя побѣжденными не хотѣли.

Скрипки стонали какой то тягучій, проникающій въ душу вальсъ.

Среди переполненнаго зала появилась стройная дама. Громадная, надвинутая до бровей, черная шляпа бросала тѣнь на бронзовое холодное лицо.

Черная длинная бахрама блестящими струйками сбѣгала съ расшитаго короткаго манта и рассыпались густыми широкими рядами по складкамъ безукоризненной суконной юбки. Тонкіе изумительной работы браслеты звенѣли, при каждомъ шагѣ, на бархатистой замшѣ длинныхъ свѣтло-коричневыхъ перчатокъ.

— Рама, Рама, несся шепотъ.

Мужчины съ нескрываемымъ восхищеніемъ провожали глазами удаляющуюся гибкую фигуру. Женщины нервно покусывали губы, стараясь придумать что нибудь такое, что сразу бы унизило красивую танцовщицу.

Въ углу, не далеко отъ оркестра, какимъ то чудомъ оказался свободный столикъ. Рама отодвинула стулъ и сѣла, выжидая, когда совершенно выбившійся изъ силъ лакей подойдетъ къ ней.

Чей то упорный, настойчивый взгляд заставилъ артистку повернуть голову. Ея глаза встрѣтились съ темными выразительными глазами Андре Кремонъ, владѣльца знаменитой скаковой конюшни богатаго человѣка, постоянного посѣтителя L'étoile. Кремонъ былъ женатъ на очаровательной блондинкѣ и считался примѣрнымъ мужемъ. Но за послѣднее время бѣдная маленькая Люси часто плакала въ тишинѣ своей бѣлой спальни. Мужъ проводилъ цѣлые вечера въ ресторанѣ L'étoile. Что влекло этого элегантнаго образованнаго человѣка въ ресторанъ, какъ могъ проводить онъ цѣлые вечера одинъ, за бутылкой шампанскаго?

Его никогда никто не видѣлъ въ обществѣ какой нибудь женщины. А между тѣмъ о прежней любви не было и рѣчи. Тѣ милые пустяки, которые такъ очаровательно рассказывала мужу Люси, которые такъ ему нравились, вызывали теперь скучающую утомленную улыбку. По цѣлымъ часамъ, запершись въ кабинетѣ, сидѣлъ Андре, опустивъ голову на руки.

О чемъ онъ думалъ, гдѣ летали его мысли?

Поль, братъ Люси, повѣренный всѣхъ ея маленькихъ тайнъ, не разъ пытался вызвать beau frôgé'a на откровенность, но каждый разъ всѣ попытки кончались полнымъ неудачей.

Кремонъ съ изумленіемъ смотрѣлъ. О чемъ онъ говоритъ?

Все это фантазія молодой избалованной женщины. Нельзя же цѣлый день сидѣть дома. Шумъ ресторана, постоянная смѣна лицъ его развлекаютъ. Но въздъ это такъ безобидно! На всѣ тревожные разспросы сестры, обезкураженный братъ отвѣчалъ неопредѣленными фразами.

Ему самому начинало казаться, что сестра все преувеличиваетъ.

— Возьми себя въ руки, — совѣтовалъ онъ. — Поѣзжай къ намъ въ деревню, отдохни, твои нервы окрѣпнуть и ты будешь весела.

— Оставить Андре одного, никогда!

Гулъ голосовъ становился все громче и громче. Глаза женщинъ разгорались, щеки пылали. Вино лилось.

Весь этотъ шумъ и гамъ утомлялъ своимъ однообразіемъ танцовщицу.

Заплативъ по счету, она направилась къ выходу. Кремонъ, не слушая низко кланявшагося лакея, торопливо началъ пробираться за удаляющейся фигурой молодой женщины. Онъ еле отвѣчалъ на угодливые поклоны прислуги, любившей его за его щедрость.

Глухо хлопнула тяжелая дверь.

Силуетъ Рама выдѣлялся на фонѣ бѣлыхъ стѣнъ.

Вѣтеръ гналъ толпы разорванныхъ облаковъ, бросавшихся съ яростью на ярко свѣтившую полную луну. Они то ревниво закрывали ее отъ земли, то громоздились въ какія то страшныя сооруженія убѣгали, оставляя за собой легкой полупрозрачный паръ.

— Сударыня, умоляю Васъ, нѣсколько словъ!

Танцовщица слегка замедлила шагъ и повернула голову къ говорившему.

Она уже не разъ слышала его мольбы. Многочисленные, почти ежедневныя письма оставались нераспечатанными.

Смѣлый, самонадѣянный, привыкшій къ легкимъ побѣдамъ Кремонъ никогда не могъ допустить мысль, что какая то танцовщица можетъ отвергнуть его ухаживаніе.

Онъ могъ озолотить ее, осыпать подарками. Другая считала бы себя счастливѣйшею смертной, а эта проходитъ мимо, еле замѣчая. Онъ слышалъ много разъ о неприступности „Черной Змѣи“, но никогда не думалъ встрѣтить такое равнодушіе.

— Я васъ слушаю, monsieur Кремонъ.

Въ глазахъ танцовщицы мелькнуло что то неуловимо мягкое, и тонкія губы красиво очерченнаго рта дрогнули въ еле примѣтной улыбкѣ.

Блѣдное лицо молодого человѣка вспыхнуло яркимъ румянцемъ: она заговорила въ первый разъ.

Торопясь и поминутно сбиваясь, онъ говорилъ о своей любви, о своемъ мученіи.

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, лицо его собесѣдницы становилось все мягче и привѣтливѣе. Густыя черныя рѣсницы трепетали на бронзовыхъ щекахъ, совершенно скрывая сѣрые, какъ горный источникъ, прозрачныя глаза...

Андре совершенно не замѣчалъ, что они уже шли по густой аллеѣ бульвара. Весенній вѣтеръ осыпалъ ихъ цѣлымъ дождемъ душистыхъ нѣжныхъ лепестковъ бѣлой акаціи.

„Какая чудная ночь“, задумчиво сказала Медже, подымая глаза къ чистому темно-синему небу.

„Масса звѣздъ! Какъ быстро прошла гроза!“

Счастливымъ внезапной переменной въ настроеніи своей спутницы Кремонъ молчалъ, прислушиваясь къ той радости, что пѣла въ его душѣ.

* * *

Въ низкой большой комнатѣ сильно пахло какими то восточными куреньями. Изъ четырехъ плоскихъ серебряныхъ курильницъ подымались тоненькія струйки лиловатаго дыма.

Посреди комнаты лежалъ небольшой бѣлый коверъ, на немъ стояли два серебряныхъ таза, наполненныхъ водой и небольшая плетеная корзина.

Вытянувшись во весь ростъ и обративъ лицо къ востоку, Рама, исполнительница танца „черной змѣи“, молилась какому то невѣдомому Богу.

Распущенные густые волосы черной мантией окутывали гибкую фигуру. Блестящею волной рассыпались по бѣлой шелковой рубашкѣ, подпоясанный пестрымъ поясомъ.

Голову танцовщицы обвивала бѣлая эмалевая змѣя. Рубиновые глаза чудовища сверкали при каждомъ поворотѣ головы.

Комната наполнилась тонкими жалобными звуками. Казалось, что чья то жесткая рука рветъ одну за другой струны волшебнаго творенія Страдива-риуса.

Рама держала въ рукахъ инструментъ, похожій на небольшую арфу. Тонкіе нервныя пальцы танцовщицы извлекали стонущіе, полные тоски звуки.

Съ каждымъ аккордомъ они крѣпли, струны уже не плакали, онѣ приказывали, звали.

Еще одинъ призывный аккордъ, и вся комната наполнилась благоуханіемъ.

Изъ корзины поднялась небольшая плоская головка черной змѣи.

Черное гибкое тѣло подымалось все выше и выше. Какъ блестящая лента, змѣя скользнула на бѣлый коверъ и замерла въ выжидательной позѣ.

Тонкій длинный языкъ трепеталъ въ воздухѣ.

Упругія кольца холоднаго блестящаго тѣла притягивали глаза танцовщицы, но она боролась съ очарованіемъ отвратительнаго существа и продолжала игру.

* * *

— Вы такъ избили этого господина, что онъ былъ лишенъ возможности работать въ теченіе 3 недѣль. Что скажете въ свое оправданіе?

— Онъ былъ все равно безработнымъ, г. судья!

Змѣя медленно поднялась, небольшіе злобные глаза потускнѣли и маленькая голова безвольно качалась въ ритмѣ музыки. Наконецъ все ея маленькое точеное тѣло замерло въ какомъ то экстазѣ.

Смуглыя руки заклинительницы смѣло сжали скользкую холодную шею змѣи и прозрачные глаза впились въ полупотухшіе глаза безъ рѣсницъ.

Медленно, не выпуская змѣю изъ рукъ, молодая женщина наклонилась надъ однимъ изъ тазовъ.

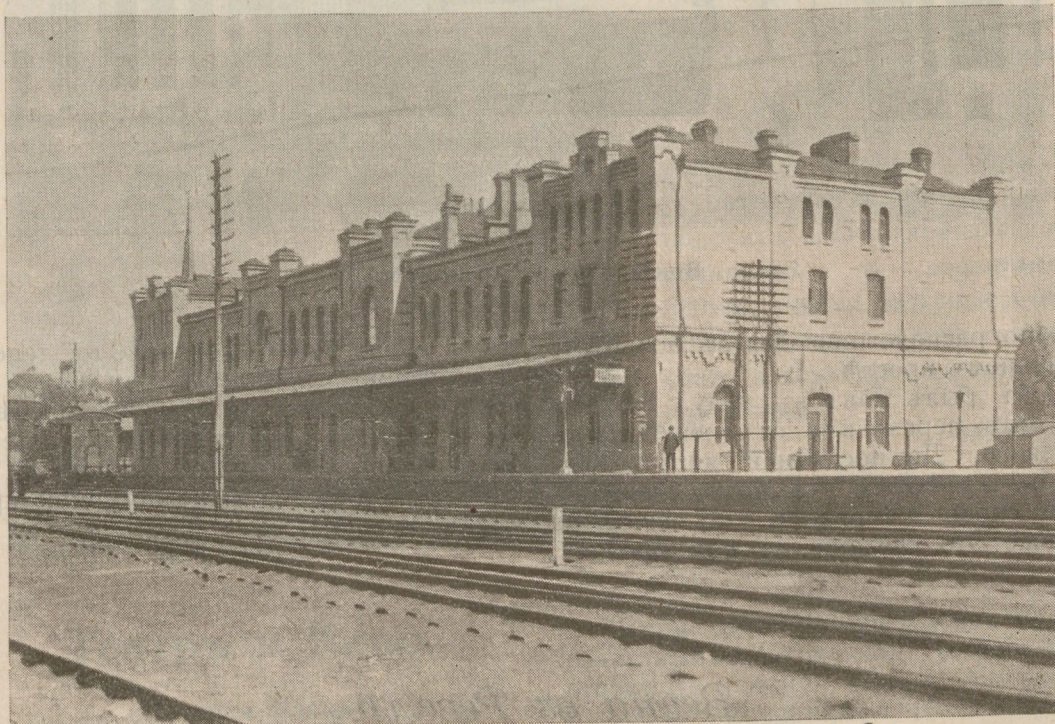
Вода его потемнѣла и закипѣла.

„Отказаться и не пойти? Нѣтъ, это сильнѣе меня. Будь, что будетъ!“

* * *

Богато обставленный кабинетъ Андре Кремонъ былъ ярко освѣщенъ. Медже Тама, въ костюмѣ черной змѣи, стояла посреди комнаты, съ любопытствомъ разсматривая многочисленные портреты и фотографіи лошадей, развѣшанныя по стѣнамъ. Въ сосѣдней комнатѣ раздались легкіе быстрые шаги, дверь распахнулась, и на порогѣ показался Кремонъ.

„Мы можемъ перейти въ столо-

Вокзалъ въ Ревелѣ.

Глаза змѣи потускнѣли еще больше, и все тѣло замерло безъ движенія. Тонкое смуглое лицо наклонилось къ крошечной черной головкѣ и вдругъ въ почти нѣсколько секундъ мертвыхъ тому назадъ глазахъ загорѣлась жизнь. Лицо танцовщицы покрылось сѣрой блѣдностью. Осторожнымъ движеніемъ она положила змѣю въ корзину, захлопнула крышку и въ изнеможениі опустилась на диванъ.

„— Смертельная опасность изъ за любви“, въ раздумьи прошептала молодая женщина.

вую. Боюсь, что танецъ Васъ утомилъ, и Вамъ нужно подкрѣпить ваши силы.

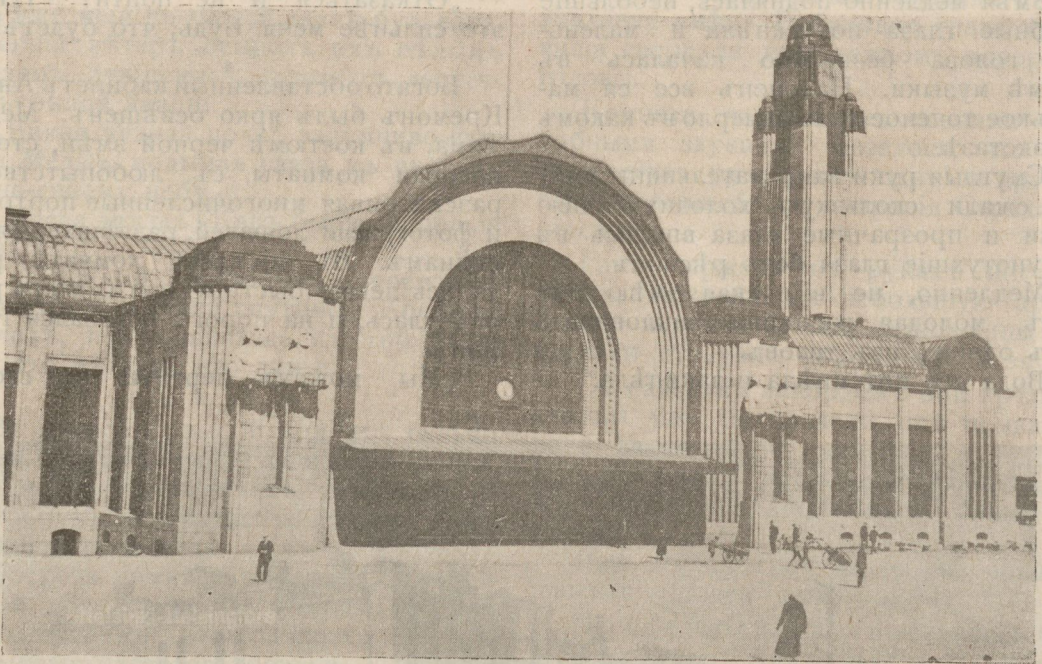
„Вы забываете, что я танцую каждый вечеръ, и такъ къ этому привыкла, что не чувствую никакой усталости.“

Посидимъ лучше здѣсь. Здѣсь такъ уютно. Но который часъ?“

„Около 12“.

„Ваша жена не вернется съ ночнымъ поѣздомъ?“

„О нѣтъ, она уѣхала на нѣсколько дней“, отвѣтилъ Кремонъ, опускаясь на коверъ къ ногамъ танцовщицы,

Вокзалъ въ Гельсингфорсѣ.

удобно расположившейся въ большомъ кожанномъ креслѣ.

Онъ былъ какъ въ чадѣ. Всѣ эти дни онъ переходилъ отъ надежды къ отчаянію. До послѣдней минуты онъ не былъ увѣренъ, что Медже сдержитъ свое слово и придетъ. И какъ не похоже это свиданіе на всѣ прежнія,

такъ волновавшія его когда то, теперь совершенно забытыя.

Но развѣ можно сравнивать всѣхъ этихъ легкомысленныхъ, пустыхъ, пестрыхъ бабочекъ, охотно летѣвшихъ на огонь, съ царственно недоступной красавицей.

Продолженіе слѣдуетъ.

Весна въ Ревелъ.

Вешнимъ солнцемъ опаленный, старый городъ пыльно-сухъ,

Изъ подъ каждой подворотни тянетъ терпкій духъ...

Пораскрыли двери настезь рестораны, кабачки,

Четко щелкаютъ по камнямъ дамскихъ ножекъ каблучки.

Разукрасились витрины, привлекая модницъ взоръ,

И плакатами пестрятъ каждый уголь и заборъ.

Шума, крика, разговоровъ, суетни — хоть отбавляй.

Въ хорѣ звуковъ разныхъ тонетъ и собакъ весенній лай.

Словомъ — все поетъ и пляшетъ, одного лишь только нѣтъ:

Чаръ природы и простора, — чгъмъ живетъ грезѣръ-поэтъ!

Н. Н. Карповъ.

Е. В. Литвинова.

Балерина Императорскаго Маринскаго балета, основательница первой въ окраинныхъ государствахъ школы русскаго классическаго балета, Евгенія Васильевна Махотина, по мужу, полковнику гвардіи, Литвинова, въ настоящее время добилась признанія результатовъ созданнаго ею большого и прекраснаго дѣла.

Ея ученицы и ученики, напр. Лиліанъ Лорингъ и др., заняли уже первыя мѣста на сценѣ мѣстнаго театра „Эстонія“. А ревельское школьное управленіе устраиваетъ повторенія Литвиновскихъ спектаклей для воспитанниковъ и воспитанницъ школъ, считая ихъ полезнымъ и чистымъ средствомъ эстетическаго воспитанія подрастающаго поколѣнія.

Арруэтъ.

Театръ и Кино.

„Пестрая Маска“.

Легкая философія „Зеленаго Пьерро“, подъ цвѣтными блестками пестрой маски конферирующаго программу, ясна и беззаботна. Не даромъ въ одной изъ своихъ вступительныхъ пѣсень онъ упорно повторяетъ мудро-веселую истину:

Въ жизни скоротечной
Все летитъ пестро,—
Будьте же безпечны
Какъ и я, Пьерро!..

И дѣйствительно міръ неунывающаго Пьерро — небольшой, уютный театрикъ „Пестрой Маски“, сдѣлался за послѣднее время неотъемлемой принадлежностью Ревеля.

Вокругъ постоянной труппы, состояв-

шей при открытіи сезона изъ хорошо извѣстныхъ театральной Эстоніи артистовъ: Волконской, Инлой, Нелидовой, Брянскаго, Владимірова, Коншина, Кузнецова, Павлова, Филиппова и пополненной съ новаго года Борисовымъ, Килль и Пальмомъ, группировались почти всѣ артистическія силы Ревеля.

Кромѣ постоянныхъ гастролеровъ — г.г. Воскресенской, Гаррай, Кусковскаго, Махотиной, Москвиной, Розенвальдъ-Александровой, Эберга, гостепримный „Зеленый Пьерро“ привѣтствовалъ въ своихъ стѣнахъ и ближайшихъ товарищей — артистовъ Русскаго Театра и провинціальныхъ гостей — Печеринъ, Устюжаниковъ. Въ огняхъ его ramпы показала свое прекрасное искусство Sent M'Ahesa, они освѣтили успѣхи балетныхъ школъ Литвиновой и Тамары Бекъ.

Вѣрные рыцари „Зеленаго Пьерро“ — основное ядро труппы — сплотились въ дружное театральное братство, которое ведетъ трудное и тяжелое дѣло театра съ живою вѣрою въ творческую побѣду.

Подводя, послѣ восьмимѣсячнаго періода, художественный итогъ сезона, и артисты, и музыкальная душа „Пестрой Маски“ И. Васильевъ, и художникъ Турандъ и всѣ работавшіе для театра могутъ съ удовлетвореніемъ оглянуться на пройденный путь.

Только близко стоящіе къ театру и освѣдомленные о катастрофическихъ подчасъ трудностяхъ, которыя приходится преодолевать „Зеленому Пьерро“ въ его работѣ (малочисленность труппы, размѣры миниатюрной сцены, скудость готоваго литературнаго и музыкальнаго матеріала, техническая сторона сцены, знаютъ съ какими огромными препятствіями приходилось бороться въ теченіи сезона дружной артистической семьѣ „Пестрой Маски“.

Вѣдь шутка ли? — за восемь мѣсяцевъ (октябрь — май) своей работы театръ провелъ около 50 „пестрыхъ“ программъ; далъ 10 новыхъ, сыгранныхъ полностью опереттокъ; нѣсколько трехактныхъ пьесъ; блеснулъ такими постановками, какъ „Шарманка“, „Вечерній Звонъ“ и др.

Въ настоящее время „Пестрая Маска“ перешла на лѣтнее положеніе и намѣтила до осени схему своей работы въ такомъ видѣ: первые три дня недѣли — понедѣльникъ, вторникъ, среда — предназначены для репертуара легкой комедіи и фарса; четвергъ, суббота и воскресенье — отведены для пестрой программы (оперетта, миниатюры, скетчи и пр.); пятница — еженедѣльные гастроли труппы „Пестрой Маски“ въ Русскомъ Театрѣ, въ которомъ будутъ ставиться полностью большія оперетты (въ ближайшую очередь намѣчены Баядера, Лизистрата, Польская Кровь, Жрица Огня и др.).

Въ театральной жизни Ревеля „Пестрая Маска“ явленіе яркое и живое. Она завоевала свое, ей одной принадлежащее мѣсто, она сумѣла создать вполне опредѣленное художественное лицо.

И въ этомъ большая заслуга передъ русскимъ искусствомъ и руководителей театра и молодого, трудолюбиваго

братства ордена „Зеленаго Пьерро“, на щитѣ котораго красуются бодрья слова, столь необходимые въ наше скучное, прозаическое время:

„Забудемъ про печаль,
Намъ прошлаго не жаль,
Подъ пестрой маской
Легкой сказкой
Жизнь летить!..“ **Иринь.**

„Пассажъ“

Въ Пассажѣ, безусловно лучшимъ кино-театрѣ Ревеля, идетъ поставленная вторично, по желанію публики, нашумѣвшая міровая картина изъ исторіи временъ Прусскаго Короля Фридриха II подъ названіемъ „Fredricus Rex“, при чемъ одновременно демонстрируется по двѣ серіи.

Передъ тѣмъ шли два боевика: Роскошно поставленная драма изъ современной всликосвѣтской жизни „Въ брачную ночь“ и фарсъ: „Онъ, она и Гамлетъ“. Это очень веселая вещь, въ которой много смѣха вызываютъ новые датскіе комики Патъ и Паташонъ. Судя по настоящей картинѣ, имъ предстоитъ въ будущемъ большой успѣхъ. Въ скоромъ времени Ревельская публика будетъ имѣть возможность видѣть одну изъ величайшихъ произведеній киноискусства фильму „Феодора“, которая намѣчается администраціей къ постановкѣ.

„Казино“.

„Игра любви“ — драма съ участіемъ красавицы Марчеллы Альбани, Ольги Ганзень II-ой, — Э. Кайзеръ-Тицъ, А. Абель и др. „Шнуки и близнецы“ — комическая съ участіемъ знамен. обезьяны Шнуки.

„Рекордъ“.

Съ 4-го іюня на экранѣ увлекательная по сюжету фильма „Островъ пропавшихъ судовъ“ съ участіемъ Мильтонъ Сильсъ и Анны Кв. Нильсонъ. Дирекція намѣчаетъ къ постановкѣ современный боевикъ сезона, который скоро будетъ демонстрироваться, это — „Король радіо“.

„Грандъ-Марина“.

Съ 3 го іюня идетъ грандіозная американская серія „Буффало Билль“ съ участіемъ короля трюковъ Артъ Акорда. Кромѣ того Американская комедія въ 2 частяхъ.

Мелочь.

Газъ „У“.

Въ Англии сдѣлано новое и потрясающее военное изобрѣтеніе.

Рѣчь идетъ объ ядовитомъ газѣ необыкновенной силы. Лицо, вдыхающее этотъ газъ, первоначально ничего не чувствуетъ, но его смерть черезъ нѣсколько часовъ неизбежна. Профессоръ Лондонскаго университета Бернсъ указываетъ, что къ концу войны уже изобрѣтеніе это было почти сдѣлано. Не знали только какимъ образомъ добиться возможности получить этотъ газъ въ большихъ количествахъ. Теперь эту задачу разрѣшили американскіе химики.

Бернсъ отмѣчаетъ, что въ то время, какъ въ Вашингтонѣ засѣдала конфе-

ренція по разоруженію, въ одномъ изъ арсеналовъ, вблизи Вашингтона, 200 виднѣйшихъ химиковъ производили опыты съ этимъ газомъ. Одинъ изъ знатоковъ газовой войны заявилъ: „Народъ, знающій тайну этого страшнаго газа, будетъ имѣть возможность окружить свою страну гозовымъ барьеромъ, недоступнымъ для вражескихъ армій. Двѣ тонны этого газа, которыя легко можетъ поднять аэропланъ, могутъ распространить вѣрную смерть на разстояніе радиусомъ въ $\frac{1}{2}$ километра отъ того мѣста, гдѣ этотъ газъ будетъ выпущенъ.“

То-то Троцкій съ такимъ страхомъ кричалъ на конференціи компартіи о дьявольскихъ изобрѣтеніяхъ англо-американской химіи.

Копилка курьезовъ.

Въ ресторанѣ при гостинницѣ.

— Господинъ хозяинъ, смотрите тутъ клопъ ползетъ по стѣнѣ.

— Невозможно, въ это время наши клопы уже въ номерахъ въ постеляхъ.

* * *

— Оберъ, кушанье же куда не годно. Гдѣ хозяинъ?

— Только что ушелъ завтракать въ сосѣдній ресторанъ.

Задача.

Если одной горничной необходимо для уборки одной квартиры 2 часа времени, то сколько часовъ потребуется на уборку той-же квартиры двумъ горничнымъ?

Отвѣтъ: — 4 часа: столько времени имъ хватитъ на болтовню.

У доктора.

Господинъ Шульцъ страдалъ отъ болей въ правой ногѣ. Наконецъ, онъ рѣшилъ обратиться къ доктору.

Исслѣдовавъ пациента, докторъ сказалъ:

— Это старость.

— Старость? Какая ерунда! Лѣвая же нога не болитъ, несмотря на то, что она одинаково стара.

Рецептъ противъ бессонницы.

Врачъ (пациенту, страдающему бессонницей): — Ну, что, голубчикъ, какъ обстоитъ дѣло съ вашей бессонницей? Вы слѣдовали моему совѣту и, ложась спать, считали?

Пациентъ: Такъ точно, господинъ докторъ, я въ точности придерживался вашего совѣта и насчиталъ вчера до 10.000.000.

Врачъ: И, конечно, вы послѣ этого заснули крѣпкимъ сномъ?

Пациентъ: Никакъ нѣтъ, господинъ докторъ, не заснулъ, такъ какъ пора было уже вставать...

Образованность.

М-ме Наворишъ*): Посмотрите, мамзель, сколько сегодня на улицѣ градусовъ.

Компаніонка: Градусникъ показываетъ ноль градусовъ, мадамъ.

М-ме Наворишъ: По Реомюру или по Цельсіу?

*) Категория людей, наворовавшихъ за время войны и революціи.

Компаніонка: Ноль всегда ноль, мадамъ.

М-те Наворись? (недовольно): Да что Вы мнѣ ерунду говорите, разница всегда должна быть!

* * *

— Ахъ, мадамъ Наворись, что у Васъ за дивная собаченка! Какой она породы?

— Какъ ее раньше звали,—не знаю Я же ее называю „фоксъ-троттъ!“.

Онѣ.

— Сегодня я встрѣтила на улицѣ твоего бывшего любовника, Мэри. Онѣ только что приѣхалъ изъ заграницы. Онѣ спрашивалъ о тебѣ.

— Ты сказала ему, что я вышла замужъ? Былъ онѣ сильно огорченъ?

— Чтобы онѣ былъ огорченъ, то этого я не замѣтила, но онѣ заявилъ, что глубоко сочувствуетъ твоему мужу, хотя и не имѣетъ чести его лично знать.

Болтунъ.

— А что, Петичка, ты хотѣлъ бы имѣть еще маленького братца или сестричку?

— О, я очень хотѣлъ бы, но этого, мы теперь не можемъ себѣ позволить.

— Я вамъ дамъ покушать, а вы сначала подметите дворъ.

— Благодарю, но я очень спѣшу . . . выпить.

Разсѣянность подвела.

Мужъ: Эта дама, что сидитъ за сосѣднимъ столикомъ, кажется мнѣ очень знакомой. Гдѣ я могъ ее раньше видѣть?

Жена: Да это та сваха, которая сосватала меня тебѣ.

Мужъ (разсѣянно): Ахъ, что-бы чортъ ее побралъ!

Объяснилъ!

На Красной площади въ Москвѣ встрѣчаются два запуганныхъ совѣтскихъ обывателя.

Передъ ними памятникъ Минину и Пожарскому. Издали, съ той стороны, куда Мининъ указываетъ пальцемъ, доносятся взрывы. То подъ кремлевской стѣной строятъ мавзолей для недавно умершаго „фараона“.

Первый спрашиваетъ:

— Что это значитъ? Почему Мининъ указываетъ пальцемъ какъ разъ туда на эту стеклянную гробницу?

Второй отвѣчаетъ:

— А развѣ вы не знаете? Это значитъ, что онѣ хочетъ сказать: „вотъ, гдѣ зарыта собака!“

Разговоръ.

При сооруженіи мавзолея на могиль Ленинъ у Кремлевскихъ стѣнъ подъ слоемъ камней оказался каналъ съ нечистотами, которыя и залили гробъ. Изъ газетъ.

Мининъ.

— Скажи мнѣ, князь,
Что тамъ за мразь
У стѣнъ Кремлевскихъ завелась
На мѣстѣ казни Пугача?

По жарскій.

Лежитъ консервъ изъ Ильича.
Онъ вѣдь при жизни былъ Мессія,
И благодарная Россія,
При звукахъ гимновъ и мортиръ,
Спустила Ленина въ с...ръ.

На плаванье яхты „Воровскій“.

Въ отвѣтъ на визитъ въ Петроградъ итальянскаго крейсера „Migabell“ совѣты отправляютъ въ Италию яхту „Воровскій“. Изъ газетъ.

„Воровскій“ — звучное названье,
Флагъ огненный — замѣтный флагъ,
Но, Боже, что за сочетанье,
Его придумать могъ лишь врагъ.
Въ походѣ съ нимъ сплошное горе,
Испортитъ не одинъ визитъ:
Какъ, вы забыли, что на ворѣ
И шапка, говорятъ, горитъ.

Въ совѣтской провинціи.

„Въ городахъ совдепіи улицамъ даются наименованія наиболее прославившихся „героевъ революціи“.

Такъ въ Пензѣ Грязная улица, постановленіемъ райисполкома переименована въ улицу Карла Маркса, Косая — въ улицу Айседоры Дунканъ, а улица „Веселыхъ домовъ“ въ улицу Клары Цеткинъ.

Изъ газетъ.

На улицѣ Дантона
Сцѣпились два Антона
И вышли „братъ на брата“
На площади Марата.
Сбѣжались въ полъ-меновья,
Съ Карль-Либкнехтской — Евгенья,
Съ Коммунской — Пелагея,
За ней два ротозья,
Съ Совѣтской три старушки,
Семь пьяницъ изъ пивнушки,
Изъ садика Свердлова
Шесть курицъ и корова...

У Марковского бюста
Пошла „рубить капусту“,
Съ Дантона два Антона
Дубасятъ Ардальона,
Два Митрія съ Марата,
Настѣли на Кондрата...
Антошка на Мирона
Миронъ на Парамона,
Изъ клуба Робеспьера
Замяли пионера...
Въ трактиръ Фигнеръ Вѣры
Нашлись „милиціонеры“
И молвить стражъ закона,
Схватившись за Антона:
— Сейчасъ скажи, собака,
Изъ-за чего вся драка?...
Тотъ отвѣчалъ въ печали:
— За то другъ дружеску мяли,
Что въ улицѣ Дантона
Хватили самогона!..“

Новое искусство въ совдепіи.

Красный художникъ. — Чортъ Васъ возьми! Куда дѣвали Вы ту новую картину, которую я на дняхъ окончилъ?!

Прислуга. Пресвятая Богородица!.. Такъ то была картина?.. А я, товарищъ, рѣшила, что это грязная тряпка и выбросила ее въ помойку.

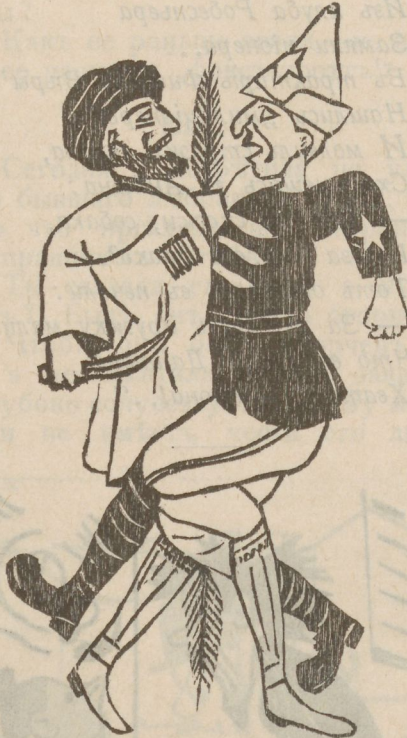
* * *

— Очень радъ Васъ видѣть. Какъ поживаетъ Вашъ супругъ?

— Я не замужемъ, господинъ профессоръ.

— Такъ, такъ, сударыня, слѣдовательно Вашъ мужъ еще холостякъ.

И какъ оно въ дѣйствительности есть

Карриатура — шутка.

Гурьестанское возстаніе въ освѣщеніи совѣтской печати

Письма въ редакцію.

М. Г. господинъ редакторъ!

На второмъ Національномъ вечерѣ въ Коппелѣ, къ большому сожалѣнію, не прибыли артисты Русскаго Театра, Г. Г. Рахматовъ и Н. А. Кусковскій, любезно изъясвившіе ранѣе свое согласіе и внесенные въ афишу.

Согласно выраженному на собраніи пожеланію, прошу Васъ не отказать опубликовать настоящее адресованное Александру Черниговскому письмо Г. Г. Рахматова, изъ котораго выясняется причина неприбытія его и А. Н. Кусковского.

Примите и проч.

Б. В. Энгельгардтъ.

Глубокоуважаемый

Александръ Васильевичъ!

Приношу извиненія въ томъ, что ни я, ни А. Н. Кусковскій не можемъ участвовать въ понедѣльникъ въ Коппелѣ, т.к. въ виду большой работы на будущей недѣлѣ, А. В. Прониковъ категорически воспретилъ выступленія на сторонѣ.

Уваж. Васъ Г. Рахматовъ.

Стороннее сообщеніе.

Объ искусственномъ маслѣ.

Нашъ сотрудникъ посѣтилъ представителя голландской фирмы „Van den Bergh“ — г-на А. Эйнпауль, который сообщилъ слѣдующее:

Искусственные масла — „Vitello“ и „Sanella“, несмотря на свою дешевизну (въ 2—3 раза дешевле сливочного масла), не только совершенно безвредны, но и приносятъ такую же почти пользу, какъ и обыкновенное — сливочное. Жировые проценты искусственнаго масла только немногимъ ниже — коровьяго.

Уже то, что одна только фирма „Van den Bergh“ вырабатываетъ еже недѣлю около 75.000 пуд. этого искусственнаго масла и выпускаетъ его въ продажу на міровой рынокъ, говоритъ за абсолютную безвредность потребленія его, такъ что недоувѣріе и боязнь отравленія совершенно не имѣютъ подъ собой почвы.

Представителемъ искусственныхъ маселъ „Vitello“ и „Sanella“, какъ было уже указано выше, является ревельская молочная фирма „А. Эйнпауль“ (Симеоновская, 19), поставляющая также ревельскимъ гражданамъ ежедневно 10.000 кружекъ молока. Кромѣ того, фирма вырабатываетъ сливки (до 2.000 кружекъ ежедневно), масло, простоквашу, кефиръ и, такъ называемый, казеинъ.

Б.

ОТЪ РЕДАКЦИИ. Въ связи съ переживаемымъ моментомъ у эмигрантовъ должно было накопиться много матеріала, пригоднаго для нашего журнала. Желаящихъ помѣстить въ журналъ свои произведенія, а также что-либо изъ личныхъ переживаній или воспоминаній о событіяхъ, свидѣтелями которыхъ они были, редакція проситъ направлять по адресу: Ревель, Suur Juhkentali tän. Nr. 2.

БЕЛЬГИЙСКАЯ КОНТОРА

Ф. А. МАТЬЕ

Ревель, Широко-Песочная 44.
Телефонъ 14-31.

Предлагаетъ со склада:

Велосипеды „JANUS“ лучшей бельгийской фабрики. Оконное стекло всѣхъ сортовъ и размѣровъ, а также орнаментное, кафедральное, рифленое, зеркальное стекло и зеркала. Кровельное желѣзо черное и оцинкованное. Бельгийскій кровельный толь. Матрацный тикъ. Электрическіе провода и шнуры. Туалетное мыло разныхъ сортовъ. Крахмаль „РЕМИ“. Синька „DESTREE“.

Только первоклассный товаръ!

Швейныя машины знаменитой фабрики

„Мундлосъ“, шьютъ и вышиваютъ. Обученіе вышивкѣ бесплатно.

Велосипеды всѣмъ извѣстныхъ фабрикъ „Вандереръ“, „Бреннаборъ“.

Вязальныя машины

нѣмецк. и шведск. фабрикъ „Перъ Персона“. „Класъ и Флентъ“ и „Ирмшеръ и Витте“.

Допускается разсрочка платежей.

Петроградская фирма

ЛИРЪ и РОССБАУМЪ.

Ревель, Колесная ул., 5.

Искусственныя масла

„Vitello“

и

„Sanella“

извѣстной голландской фабрики

Van den Bergh,

незамѣнимы при приготовленіи пасхальнаго стола.

Имѣются въ продажѣ во всѣхъ гастрономическихъ и колониальныхъ торговляхъ.

Представитель для Эстоніи:

А. ЭЙНПАУЛЬ,

молочная фирма.

Ревель, Симеоновская, № 19.

Телеф. 22-24.

Даю уроки
Английскаго языка

только для начинающихъ.

Ревель, почтовый ящикъ

— № 282. А. Г. Д. —

Дешево, быстро и аккуратно

изготавливаю

художественныя рисунки

для клишэ, этикетъ, всевозможн. наброски и эскизы для рекламъ.

Адр. въ ред. „Эмигранта“ для „Художника“.

ТИПОГРАФІЯ и ПЕРЕПЛЕТНАЯ
„ERK”

❖ TALLINN, Suur Juhkentali tänav Nr. 2 ❖

Телефонъ

25-11

Telefon

25-11

TRÜKIKODA
RAAMATUKÖITE

BUCHDRUCKEREI
BUCHBINDEREI